

Николай Шахмагонов

16+

Золотой скальпель

Николай Шахмагонов

Золотой скальпель

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Шахмагонов Н. Ф.

Золотой скальпель / Н. Ф. Шахмагонов — «ЛитРес: Самиздат», 2021

В книге рассказывается о выдающемся советском военном хирурге, Герое Социалистического Труда, полковнике медицинской службы Михаиле Филипповиче Гулякине, прошедшем фронтовой путь от начальника медицинской службы парашютно-десантного батальона 1-й воздушно-десантной бригады 1-го воздушно-десантного корпуса до ведущего хирурга 38-го гвардейского медсанбата 37-й гвардейской стрелковой Речицкой дважды Краснознамённой орденов Суворова, Кутузова 1-й степени и Богдана Хмельницкого дивизии. На счету хирурга десятки спасённых жизней воинов-десантников во время дерзких десантирований и рейдов по тылам врага в ходе Московской битвы, хирургические операции под бомбами и артогнём в междуречье Дона и Волги, в огне Сталинграда, в период освобождения Отечества от немецко-фашистских оккупантов. За 4 военных года хирург сделал около 14 тысяч операций, в числе которых – 2500 по поводу ранений в грудь и 700 – в живот. О важнейших из них рассказывается в книге.

© Шахмагонов Н. Ф., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Николай Шамагонов

Золотой скальпель

21 июня 1941 года. Последние мирные учения.

Тёмно-зелёный автофургон с красными крестами, хорошо различимыми на фоне огромных, чуть ли не во все борта белых кругов, промчался по пыльному большаку, оставляя за собой плотную серую завесу. Свернув на ухабистую лесную дорогу, затенённую пышными кронами деревьев, затормозил в редколесье, которое начиналось спуском в балку, поросшую орешником.

– Кажется, приехали, – сказал, высматривая что-то впереди, бригадный врач Боцманов. – Машину в кустарник и замаскировать, – приказал он шофёру.

Приоткрыв дверцу, высунулся из кабины и, отыскав глазами едва заметную тропинку, что убегала от дороги, теряясь в гуще кустов, ступил на подножку кабины и спрыгнул на землю.

Водитель заглушил мотор, и в наступившей тишине стало отчётливо слышно звонкое щебетание птиц и весёлое, мелодичное журчание ручья, что струился в малиннике на дне балки.

– Какие будут распоряжения? – спросил водитель.

– Машину поставьте в орешнике и замаскируйте хорошенько, – повторил он уже отданное распоряжение и прибавил: – Ждите меня здесь. Я пойду в медсанбат.

По извилистой тропинке Боцманов спустился в балку, напился из ручья студёной воды, огляделся и прислушался.

«Не ошиблись ли мы с шофером? Не сбились ли с пути? Та ли это балка?» – засомневался он, поскольку никаких признаков расположения крупного подразделения не было заметно.

Сдвинув вперёд висевший у бедра планшет и достав из него топографическую карту, испещрённую условными знаками тактической обстановки, определил, что медсанбат должен находиться где-то рядом.

Но лишь тогда, когда прошёл ещё несколько десятков метров, послышались голоса.

– И к чему эта вся работа? – ворчал один. – Существует конвенция, по которой запрещено вести огонь по медицинским подразделениям, по госпиталям. Не маскировать медсанбат надо, а как раз наоборот – красные кресты выставить, чтоб издалека виднелись, что б знал враг: здесь раненые.

Ворчуну резко ответили:

– Конвенция, говоришь?! А ты уверен, что фашисты будут соблюдать эту твою конвенцию, а не пошлют её подальше?

Голос показался Боцманову очень знакомым.

– А как же?! Как же это могут послать?

– В Испании они ни с правилами ведения войны не считались. Бомбили полковые медпункты, а уж если удавалось захватить их, сразу добивали раненых. Прав Гусев, что заставил нас поработать. Теперь медсанбат с воздуха не увидеть.

Боцманов сделал ещё несколько шагов, и перед ним открылась поляна, на которой выстроился длинный ряд четырёхмачтовых палаток, тщательно замаскированных ветвями деревьев. На одной из них висела табличка: «Приёмно-эвакуационное отделение»

«Миша Гулякин, – сразу узнал Боцманов невысокого юношу в белом халате, стоявшего у входа. – Он приёмно-сортировочным взводом командует».

– Верно говорите о маскировке, Гулякин, очень верно, – поздоровавшись, сказал бригадный врач. – Маскировка необходима и нам, медикам. И после паузы прибавил: – Мне нужен командир батальона. Где он?

– Гусев в штабе. Это вон там, за изгибом балки, – указал Гулякин.

Едва оборудовали приёмно-эвакуационное отделение, окрестности заполнились звуками ружейно-пулемётной стрельбы, доносившейся с переднего края обороны, что проходил в нескольких километрах к югу от леса.

Прибежал Гусев. Он быстро, но придирчиво осмотрел палатку, прошёл по приёмно-сортировочной площадке, затем, пытливо глядя в глаза Гулякину, спросил:

– Миша, всё готово?

– Так точно, товарищ командир батальона, – уверенно ответил Михаил Гулякин.

– Смотри, у тебя участок – из самых ответственных. Надеюсь на тебя!

– Постараюсь оправдать! – с юношеским задором ответил Гулякин.

Гусев кивнул и сказал:

– Пойду, проверю остальные подразделения. Скоро начнут поступать раненые.

И точно: через несколько минут с дороги донёсся шум двигателя санитарного автомобиля.

– По местам, товарищи, – негромко, но властно скомандовал Гулякин. – Работать спокойно, не волноваться.

Санитары принесли первые носилки, осторожно поставили на стол.

– Артериальное кровотечение, жгут на бедре, – вслух прочитал фельдшер записку, приколотив к карману гимнастёрки.

– Время наложения жгута? – спросил Гулякин.

Фельдшер сообщил.

– Срочно в операционную, – распорядился Гулякин. – Чья очередь?

Следующий вошёл сам.

– Ранение мягких тканей плеча, – сообщил фельдшер. – Кровотечение остановлено, повязка наложена.

– Кто оказывал помощь? – задал вопрос Гулякин.

– Санинструктор.

Гулякин внимательно осмотрел повязку и покачал головой:

– Повязка наложена плохо. Немедленно в перевязочную.

Отдал распоряжение и, повернувшись к столу, склонился над очередным бойцом.

– Смертельное ранение в живот... Безнадёжен, – в голосе фельдшера слышались нотки растерянности.

– Ввести анестезирующий раствор. Направить в госпитальный взвод, – распорядился Гулякин и бросил строгий взгляд на фельдшера: – Раненый в сознании. Нужно думать, прежде чем говорить.

– Это ж учебный раненые, – попытался возразить слушатель, выполняющий роль фельдшера.

– А если завтра война! – сказал Гулякин. – На учениях должно быть всё так, как в бою! Если бы он только знал, насколько оказался прав, произнося эту фразу...

Сортировка продолжалась. Командир приёмно-сортировочного взвода медсанбата Михаил Гулякин постепенно обретал уверенность в своих действиях.

В палатку несколько раз заглядывал Боцманов. Он поправлял, подсказывал, но чувствовалось, что в целом доволен работой Гулякина и его подчинённых.

– В перевязочную палатку... В эвакуационную... В операционную, – доносились распоряжения Михаила.

Кипела работа и в остальных подразделениях медико-санитарного батальона.

Первый выстрел тактико-специальных учений прозвучал, когда лучи утреннего солнца едва коснулись верхушек деревьев. Отбой объявили уже на закате дня.

Тут же все недавние «раненые», тяжёлые и лёгкие, «прооперированные» и перевязанные, выскочили из палаток, на ходу снимая с себя поднадоевший за день камуфляж ран и бинты, и заняли место в строю рядом с теми, кто ещё несколько минут назад переносил их, сортировал, эвакуировал, то есть с недавними санитарями, фельдшерами, врачами.

Теперь все снова стали слушателями, и Виктор Гусев, исполнявший на учении обязанности командира медсанбата, подал завершающую в этой своей роли команду «смирно», доложил Боцманову о том, что личный состав построен и сдал полномочия.

– Товарищи слушатели, – не спеша начал Боцманов, – считаю, что тактико-специальные учения прошли на высоком уровне. Все поставленные задачи выполнены успешно. Подведу итог.

Боцманов обстоятельно разобрал все этапы оказания помощи в медсанбате, остановился на работе основных подразделений. Особо отметил он примерную работу приёмно-сортировочного и перевязочного-операционного взводов.

– Хочу поставить в пример слушателя Виктора Гусева, который действовал на учениях в роли командира медсанбата. Начнём с того, что он удачно выбрал район расположения, организовал хорошую маскировку.

Боцманов повернулся к закамуфлированным под кустарник палатки, теперь, в сумерках, едва различимым. Сказал, слегка щурясь:

– К сожалению, не все слушатели до конца поняли значение этого важнейшего элемента обеспечения деятельности медсанбата. Например, полковой медицинский пункт оказался вовсе не замаскированным. И что же вы думаете? Когда я сделал замечание слушателю, исполнявшему роль начальника ПЭЭМПэ, – Боцманов многозначительно поглядел на рослого широкоплечего слушателя, – он стал убеждать меня, что маскировка ни к чему, напрасная трата времени, поскольку существуют правила ведения войны, конвенция и тому подобное.

Слушатель, о котором говорил бригадный врач, виновато потупил взор, а Боцманов продолжил:

– Да, товарищи, всё это существует. Но прошу не забывать, что наш наиболее вероятный противник фашистская Германия. А фашисты давно растоптали все международные нормы, да и самые элементарные, человеческие.

Боцманов завершил разбор.

Когда был объявлен перерыв, и прозвучала команда: «Разойдись», Михаил Гулякин собрал недавних своих подчинённых.

– Я задержу вас не несколько минут, – начал он. – Хочу вот что сказать. Упустили мы кое-что в своей работе. Сегодня к нам попал «тяжелораненый». Вывод был один – он безнадёжен. Но разве можно об этом вслух? Что мы обязаны сделать? Облегчить страдания, обеспечить, по возможности, покой. А тот, кто был в роли фельдшера, открыто сказал о том, что ранение смертельное. Сегодня – учёба. Наш товарищ, который лежал на носилках, просто изображал тяжелораненого. А если б настоящий бой?!

– Да, здесь я дал маху, – согласился слушатель, который был на учениях в роли фельдшера. – Действительно, мы для раненых – всё! Мы – их надежда. И мы должны давать надежду всем, в том числе и безнадёжным.

– Вот о том и говорю, – добавил Гулякин, довольный тем, что товарищ понял его. – Душой своей нужно быть с каждым раненым.

Лагерь Военного факультета 2-го Московского медицинского института находился неподалёку от Ржева, на берегу Волги, в сосновом бору. Слушатели жили в палатках, которые вытянулись ровными рядами вдоль посыпанной песочком и тщательно прибранной передней линейки.

Лес, река, свежий воздух... Курорт, да и только, когда бы не напряжённые тактически занятия и тактико-специальные учения. Впрочем, режим был даже на пользу слушателям. Обычно они возвращались из таких вот лагерей окрепшими и возмужавшими.

Очередные тактико-специальные учения окончились в субботу 21 июня 1941 года, и, вернувшись в палаточный городок, слушатели быстро поужинали, а после ужина отправились смотреть кинофильм, который демонстрировался в импровизированном клубе: несколько рядов скамеек да экран, прикреплённый в высокой сосне.

Отбой в субботу на час позже, ну и, следовательно, позже на час подъём в воскресенье.

На землю опустилась самая короткая в году летняя ночь. Лагерь утонул во мгле, окутавшей сосновый бор. Тусклый свет фонарей освещал лишь постовой грибок дневального по роте, переднюю линейку да первую шеренгу палаток.

Высоко, в кронах деревьев слегка шумел ветер, изредка на землю шлепались сосновые шишки, а сами сосны поскрипывали, словно кряхтя от усталости.

Из палаток долетал приглушённый говор. Хоть и намаялись за день слушатели, но никак не могли утомиться.

Не спалось и Михаилу Гулякину. Чем ближе выпуск из института, тем чаще занимали его мысли о будущем, о профессии военного медика.

Рядом, опустив голову на руки и задумчиво глядя в угол палатки, лежал Виктор Гусев. Михаил сдружился с этим добрым и отзывчивым пареньком давно, с первых дней учёбы на военном факультете.

– Скажи, Миша, – вдруг спросил Виктор, – не жалеешь, что избрал хирургию?

– Что ты?! Конечно, не жалею. Ты же знаешь: о хирургии с третьего курса мечтаю. Ну и не просто мечтаю. Занимаюсь в хирургическом научном кружке. Стараюсь так дежурства подгадывать, чтобы заступать вместе с ассистентом кафедры. Он мне даже некоторые операции делать доверял. Конечно, самые простые. А всё же...

– С третьего курса.., – задумчиво проговорил Виктор. – Как давно это было! Ведь для нас этот курс решающим стал. Помнишь, как на военный факультет отбирали? Сколько желающих-то оказалось! Да, хорошо, что армия у нас в таком почёте.

– Ничего удивительного, – ответил Михаил. – Видишь, какая обстановка в Европе. Войной пахнет. Вот и сегодня Боцманов говорил о фашистах, как вероятных противниках. И это несмотря на пакт о ненападении...

– А что им пакт?! Всю Европу проглотили гады. На нас теперь поглядывают. – Виктор приподнялся на локтях, горячо зашептал: – Только не выйдет у них ничего. Подавятся. Да и вряд ли решатся к нам сунуться.

– Как знать? – вздохнул Михаил. – Войны то, кто же хочет?! Но мы – люди военные – всегда должны быть готовы к ней.

Впрочем, в тёплый летний вечер думать о войне совсем не хотелось, особенно перед выходным днём.

– Чем завтра-то займёмся? – переменял тему разговора Виктор. – Может, к лётчикам в военторг сходим или на Волгу? Там каждый выходной молодежь из города собирается. Танцы и прочее...

– Мне обязательно нужно попасть в военторг, – сказал Михаил. – Отпуск скоро. Подарки родителям и братишкам с сестрёнкой посмотреть.

– Подарками в Москве заниматься надо, – резонно заметил Виктор. – Я тоже буду старикам своим подарки покупать.

– Какое там, в Москве, – отмахнулся Михаил. – Перед отпуском так закрутимся, что не до магазинов будет. Да и в военторге снабжение совсем неплохое.

– Ну что ж, согласен с тобой, в военторг, так в военторг. Решено! – заключил Виктор и, помолчав, продолжил: – Давно у тебя хочешь спросить, Миша. Твои родители тоже медики?

– Нет. Отец из крестьян. После революции кредитным товариществом руководил, затем был председателем сельсовета, председателем колхоза. Позже в Чернский райземотдел назначили...

– Вот это послужной список! А сейчас он чем занимается?

– Руководит крупным лесничеством под Тулой.

– Ты об этом почему-то не рассказывал раньше, – пробормотал Виктор уже полусонным голосом.

– Да как-то не случилось к слову...

Усталость скоро сморила и Михаила.

Около полуночи бригадный врач Боцманов подошёл к грибку дневального и приказал:

– Объявите тревогу!

...Громкая команда нарушила тишину. Мише Гулякину показалось, что он только закрыл глаза – и вот уже нужно было бежать в строй, на ходу приводя в порядок наскоро надевшую военную форму.

Всё было чётко расписано. Одни получали оружие, другие – необходимое имущество и снаряжение. Через несколько минут слушатели замерли в развёрнутом строю в две шеренги.

Командир роты хрипловатым спросонья голосом подал команду и, осторожно, чтоб не споткнуться, ступая на изрезанную корнями деревьев землю, подошёл с докладом к Боцманову. Тот выслушал доклад и только после этого щёлкнул собачкой секундомера. Посветил на него спичкой и сказал с одобрением в голосе:

– Молодцы. Сегодня норматив перекрыли. Вольно. Командирам подразделений проверить оружие, снаряжение и произвести отбой.

– Вольно! Разойдись! – повторил командир роты.

Строй рассыпался. Не обошлось и без курьёзов. Кто-то впопыхах в темноте натянул на ноги два правых сапога, заставив заодно с собой мучиться и товарища в двух левых, кто-то гимнастёрку чужую напялил, едва в неё втиснувшись. Теперь все беззлобно подтрунивали над неудачниками.

Лагерь уснул почти так же быстро, как и пробудился.

И опять лишь дневальный прохаживался между палатками.

Этой тревоге «отбоя» не будет!

Новь на воскресенье. Спокойная ночь. Улеглось всё после учебной тревоги. В полной тишине прошли час, другой, третий... Лагерь спокойно спал, когда миновало четыре часа, когда пробило пять и с соседнего аэродрома стали подниматься в небо самолёты. Он спал бы до семи часов, но к половине шестого добрался и до него прокатившийся в ту ночь по всей стране сигнал уже не учебной, а боевой тревоги.

Второй за ночь подъём, да ещё в канун выходного дня вызвал у всех недоумение.

– Сейчас, братцы, закатят нам марш бросок километров на десять, – предположил кто-то: – Только к завтраку в лагерь и вернёмся.

Михаил быстро получил оружие, снаряжение и стал в строй.

– Этак за минуту натренируемся подниматься по тревоге, – шепнул ему Гусев и вдруг, прислушавшись, добавил: – Странно. Смотри, как гудят...

– Кто гудит? – сразу не понял Гулякин.

– Да на аэродроме. Полёты ночные что ли? Обычно в выходной день не бывает полётов, а тут... Странно, – вполголоса рассуждал Виктор.

Только теперь Михаил обратил внимание на гул авиационных двигателей. За дни, проведённые в лагере, он настолько привык к этому гулу, что почти перестал замечать его, во всяком случае, внимания не обращал.

Подразделения быстро выстроились на дороге. Было уже совсем светло. Проснулись и защёбтали птицы.

Строй молча ждал. Этот подъём тревоги никак не походил на дополнительную тренировку. В самодурстве командование лагеря упрекнуть было нельзя, да ведь и не к месту оно было бы после столь успешного подъёма по тревоге в начале ночи.

Появился начальник лагерного сбора военврач 1 ранга Борисов. Выслушав доклад дежурного, и поздоровавшись с личным составом, он отошёл к собравшимся неподалёку от строя командирам и преподавателям.

– Совещаются, – шепнул Гусев Гулякину. – Видно всё же учения. Возможно, совместно с лётчиками.

Дело в том, что военный факультет 2-го Московского медицинского института был создан с целью подготовки медицинских кадров для авиационных частей и соединений. Потому и лагерь находился поблизости от аэродрома, потому и занятия нередко проводились на базе авиационного соединения. Обучали слушателей и действиям в составе сухопутных войск, но основным их предназначением оставалась авиация.

Гул со стороны аэродрома нарастал, приближался, и вскоре над лагерем, почти над самой кромкой леса прошли эскадрильи бомбардировщиков. А на аэродроме гул не смолкал.

И вот на середину строя вышел комиссар лагерного сбора дивизионный комиссар Исаков.

– На сей раз, товарищи, это боевая тревога, – сказал он. – Нас с начальником лагерного сбора срочно вызывают к начальнику Ржевского гарнизона. Можно пока разойтись, но из лагеря не отлучаться. Ждать указаний. Отбоя этой тревоге не будет.

Строй не рассыпался, как в прошлый раз, а сгрудился, загудел. Все, волнуясь, обсуждали только что услышанное.

Перед самым завтраком вернулись начальник лагерного сбора и комиссар. Слушателей снова построили. Исаков заговорил глухо и жёстко:

– Товарищи, сегодня на рассвете войска фашистской Германии атаковали наши западные границы... Это война, товарищи. Война тяжёлая с сильным противником. На нас напал жестокий и коварный враг. – Комиссар оглядел посуровевший строй и продолжил уверенно и твёрдо. – Красная Армия разобьёт врага, вышвырнет его за пределы советской земли, загонит в его собственное логово. Мы должны быть готовы к испытаниям.

После завтрака, который прошёл в полной тишине, на плацу состоялся митинг. Подогнали старенькую институтскую полуторку. Её кузов стал трибуной, на которую поочерёдно по приставной лесенке поднимались командиры, преподаватели, слушатели.

Боцманов, Борисов, Исаков говорили о сложных задачах, которые в скором времени должны встать перед курсом, об огромной ответственности каждого за судьбу Родины.

По-юношески резко, даже с некоторым излишним задором выступали будущие военные врачи.

– Дождутся фашисты. Не на тех напали, – почти кричал коренастый крепыш. – Красная Армия разобьёт фашистскую нечисть на её же территории. Мы все как один готовы немедленно встать на защиту Родины, но вряд ли успеем, ведь война кончится раньше, чем мы окончим военный факультет. Я прошу отправить меня в действующую армию на любую, пусть даже доврачебную должность. Доучусь после победы.

Памятны были рассказы о боях в Испании. Гулякину вспомнилось и то, что говорил о предстоящей войне дивизионный комиссар Исаков.

«Жестокий, сильный и коварный враг, – думал Гулякин. – Окончилось мирное время. На порог родного дома пришли горе, смерть, разрушения...»

Но в тот день никто из слушателей даже предположить не мог, насколько суровы испытания, что выпали на долю страны, на долю каждого из них. Все, конечно, надеялись на скорую победу Красной Армии.

Ближе к полудню с аэродрома поднялись последние звенья самолётов, и сразу стало непривычно тихо.

А вскоре из Москвы пришло распоряжение немедленно вернуть курс на зимние квартиры.

Командование приняло решение выехать в Москву ближайшим поездом.

Свёртывание лагеря, занятие прежде радостное, сулящее скорый отпуск, теперь проходило в суровой обстановке.

Разобрали палатки, сложили и погрузили их в автомобили, и сразу опустел, осиротел лес на берегу Волги, в тех краях совсем неширокой, но необыкновенно красивой и живописной.

Зияли квадратные глазницы палаточных гнёзд, в никуда вели теперь ровные лагерные дорожки и линейки. Но по-прежнему никто не позволял себе ступить на святыню лагерного сбора – переднюю линейку.

Когда, наконец, был собран, упакован и погружен последний тюк с имуществом, слушателей снова построили в линию взводных колонн.

Прозвучала команда:

– В колонну по три, шагом марш!

Сурово двинулся строй. У всех на душе было тревожно и грустно. Позади колонны закрубило облако пыли, словно отделяя серой завесой счастливое прошлое от неизвестного будущего.

Но вот начальник курса, который шёл впереди, обернулся, огляделся слушателей и громко скомандовал:

– Запевай!

Строевая песня! Она чудеса творит. Она поднимает выше головы, она наполняет уверенностью, гордостью за свою принадлежность к высшему на земле братству – братству воинскому. Разумеется, если это братство является братством защитников Родины, защитников жизни на земле, справедливости, правды...

Взвилась над строем песня, пронеслась над дорогой, забираясь всё выше и выше и отзываясь эхом в дальних уголках лесного урочища. Идти стало веселее, прочь уходили тревожные мысли.

Миновали городок лётчиков. Он опустел. Семьи тех, кто уже, вероятно, вступил в бой, не прогуливались по улице, несмотря на выходной день. Все с тревогой ждали известий от своих отцов, братьев, мужей.

– Вот и сходили за подарками, – проговорил Гусев, кивнув на военторг, возле которого, не в пример минувшим выходным, не было ни души.

– Зачем они теперь? – отозвался Гулякин. – Отпуск, думаю, будет теперь только после победы.

Колонна направлялась в сторону Ржева. Гулякин знал, что до города предстоит прошагать около десяти километров, затем проехать поездом до Москвы около двухсот километров. Не знал он, да и не мог знать одного: до победы предстоит преодолеть многие тысячи километров, длинных, трудных и горьких. Не мог он знать и того, что война станет для него одним нескончаемым, сплошным и очень тяжёлым днём за операционным столом.

«У Михаила – руки хирурга!».

Сбивая шаг – по мосту в ногу идти не полагалось, – миновали Волгу. Сразу бросилось в глаза то, что совсем пусто для столь жаркого дня на городском пляже. Иных заметных изменений в городе пока не было. Разве что многочисленнее на вокзале. Отпускники, командированные, военные и все, кого по разным причинам судьба занесла в этот город, спешили к местам работы, службы, возвращались из отпусков домой...

Пассажирский поезд пришёл точно по расписанию. Война ещё не вмешалась в графики движения здесь, в глубоком тылу. Слушатели быстро заняли места в вагонах, и замелькали за окнами пристанционные постройки, городские окраины. Проплыла за окном деревенька, по улице которой возвращалось с лугов стадо. Коровы и овцы разбегались по дворам, зазываемые и подгоняемые хозяевами.

Глядя на этот до боли знакомый пейзаж, Миша Гулякин вспоминал родную деревушку Акинтьево, свой дом, родителей, братьев, сестру.

«Как они там? Ведь и к ним уже ворвалось, всё перевернув и порушив, это страшное слово – война!»

В разных концах полутёмного вагона говорили об одном и том же. Всех волновало, что ждёт в Москве. Кто-то предположил, что могут отправить на фронт, в действующую армию. Позади четвёртый курс, а пятикурсники – это почти готовые врачи. Говорившему возражали другие слушатели – программа ещё не пройдена, а фронту недоучки не нужны.

– А всё-таки, мне кажется, выпустят нас раньше, – с жаром убеждал Саша Якушев. – Ну, подучат немного, конечно, не без этого. Не по мирным же планам и программам учить теперь будут.

– А что, – поддержал его Олег Добржанский, – устроят экзамены, вручат дипломы и – вперёд...

– Экзамены? Главный экзамен у всех нас теперь один – фронт, – задумчиво глядя в окно, сказал Михаил Гулякин. – Нужно быть готовым к этому экзамену.

– Да, там учителей не будет, – согласился Якушев. – С первого дня всё самим делать придётся. Это вам не клиника. На фронте опекать некому. А вот готовы ли мы?

Готовы ли? Этот вопрос волновал каждого. Немногие слушатели имели на своём счету хирургические операции, даже самые простейшие.

Поезд отстукивал километры. Небо на западе окрасилось в багровый цвет. Это ещё не зарево пожаров. Война была далеко. Солнце садилось в грозовые тучи.

– Духота, – сказал Якушев. – Быть грозе.

– Это точно, – отозвался Добржанский и тут же спросил: – Интересно, почему это свет не включают?

Виктор Гусев приподнялся, шагнул в вагонный коридорчик. Через несколько минут вернулся и растерянно произнёс:

– Говорят, светомаскировка... Представляете?!

Впрочем, слушатели, привыкшие в лагере к условностям тактической обстановки, поначалу восприняли это сообщение не слишком серьёзно.

– Маскировка, так маскировка, – сказал Олег Добржанский. – Даже лучше. Полумрак больше располагает к разговорам, да и подремать не худо. Прошлую ночь так и не поспали толком.

Кто-то дремал, кто-то сумел заснуть и покрепче. Но Гулякину не спалось. Навеяли воспоминания пейзажи, пробежавшие за вагонным окном.

Как он, сельский паренёк, стал слушателем военно-медицинского факультета одного из ведущих медицинских институтов страны? Всё складывалось, казалось, словно и не по его воле. Но когда настал час он вдруг собрался и проявил волю, упорство, настойчивость...

В 1932 году после окончания школы колхозной молодёжи, Михаил поступил в Орловский машиностроительный техникум. Правда, здесь и ожидало первое разочарование – строительный факультет, о котором он мечтал, закрыли. Пришлось идти на машиностроительный.

Год отучился успешно. Специальность, осваивать которую пришлось против воли, постепенно стала нравиться.

Лето 1933 года провёл в деревне. Снова, как и во время учёбы в школе колхозной молодежи, помогал матери, работал в колхозе, занимался с братьями и сестрой. Но следующий год круто изменил его судьбу. Зима 1933-1934 годов выдалась суровой, морозной. К тому же накатился голод...

Если в деревне ещё какие-то припасы были, то в городе стало особенно трудно. На помощь родителей Михаил рассчитывать не мог: знал, что семье и без того трудно. Трое малых детей подрастали. Надо было самому заботиться и об одежде, и о питании.

Тогда-то и принял решение уйти из техникума. Но учёбу не бросил. Устроившись на работу в совхоз «Спартак» в Чернском районе, стал посещать вечерний рабфак, который закончил экстерном.

Отец в то время работал в Чернском райземотделе, но вскоре получил новое назначение – возглавил крупное лесничество под Тулой.

В те годы в гостях у Гулякиных часто бывал тульский врач-хирург Павел Федосеевич Федосеев. С большим интересом слушал Михаил его рассказы о сложных операциях, о спасении, казалось бы, безнадежных больных.

Медицина для Михаила была областью незнакомой. О ней, как о возможной профессии, он даже не задумывался.

И вдруг, однажды, неожиданно для всех, Федосеев сказал Филиппу Кузьмичу:

– Сдаётся мне, что из Миши может получиться очень хороший врач.

– С чего ты взял? – удивился Филипп Кузьмич. – Он у меня строителем мечтает быть. В институт собирается поступать.

– Это, конечно, хорошо, – вроде бы согласился Федосеев, – да только Миша больше подходит для профессии врача. Характер уравновешенный, говорит спокойно, обстоятельно, да и руки. – Он взял руки юноши в свои, внимательно осмотрел их и прибавил: – У Михаила руки хирурга!

Отец даже не нашёл, что сказать. Посмотрел на сына испытующе, да махнул рукой:

– Какая уж там медицина? В институт ещё поступить надо.

Михаил внимательно посмотрел на Федосеева и вдруг сказал:

– Экзамены? Экзамены подготовлюсь и сдам. А расскажите о профессии хирурга, Павел Федосеевич?!

– Да что ж, – пожал плечами тот. – Сразу и не расскажешь всего. Да разве мало я рассказывал? Ну... Попробую...

С того дня Михаил с особым вниманием стал слушать всё, что рассказывал Федосеев. А ведь тот точно уловил черты характера юноши. Любовь и расположение к людям всегда были присущи ему. Федосеев же обратил внимание на то, как важно для врача, к которому идут несчастные, поражённые недугами пациенты с надеждами на спасение, быть внимательным и способным к сочувствию. Пройдут годы и уже будучи знаменитым хирургом, Михаил Филиппович Гулякин скажет фразу, которая станет крылатой в госпитале: «Душа хирурга должны быть с больным вместе».

И снова удивительный поворот.

Как-то летом 1937 года к Михаилу пришли его друзья по рабфаку Константин Гостеев и Михаил Шерстнёв.

– Мы решили поступать в мединститут! – сказал Костя. – Едем в Москву. Давай с нами!

У Михаила перехватило дыхание. Вспомнил слова Федосеева, которые взволновали его, подумал: «А что если попробовать? Вдруг действительно стану хирургом?»

Съездили в Москву, подали документы во 2-й Московский медицинский институт и засели за учебники. Всё лето занимались. И вот пришло время экзаменов. Не было у Михаила в жизни до этих пор столь серьёзных испытаний.

Первым был письменный экзамен по математике. В большом, просторном актовом зале стояла мёртвая тишина. Лишь поскрипывали перья ручек.

Просмотрев задание и осмыслив его, Миша Гулякин успокоился. Он знал решения всех примеров и задач. Сказались недели напряжённых занятий летом. Да ведь и в школе колхозной молодёжи он был далеко не последним учеником.

Огляделся. Неподальёку от него склонились над столами Гостеев и Шерстнев.

«Как-то у них дела?» – с беспокойством подумал о товарищах.

Работу Миша завершил одним из первых. Снова посмотрел на товарищей. Гостеев обернулся и подмигнул, мол, всё в порядке. Справился с заданием и Шерстнев. Сразу стало легче на душе.

После экзамена долго делились впечатлениями, снова и снова проверяя себя, разбирали решения задач. Этот день решили отдохнуть, а уж с утра взяться за подготовку к устному экзамену по математике.

– Погуляем по Москве, – предложил Шерстнев.

Михаил уже мог кое-что показать друзьям и немного рассказать о Москве, в которой им теперь, в случае поступления, предстояло учиться.

А потом были математика устная, основы ленинизма, физика, химия... Михаил всё сдал успешно. Оставалось сочинение. Он выбрал свободную тему и начертил на чистом листе бумаги: «Иной судьбы не желаю!»

Он писал об отце, о его участии в революции, об организации колхозов в Акинтьево. И главное – о том, почему выбирает профессию врача. Рассказал о мечте помогать людям, научиться избавлять их от болезней, о том, как понимает долг врача.

Писал и удивлялся, как же это мог раньше мечтать о какой-то другой профессии. Писал и проникался всё большим убеждением, что медицина – его призвание. Впрочем, пока ещё в этих его словах было много юношеской восторженности и увлечённости, ведь он ещё не познакомился тогда ни с анатомией и анатомичкой, ни с латынью и фармакологией, ни с гистологией и микробиологией – то есть с самыми сложнейшими предметами, без знания которых не может быть врача.

Первый курс медицинского института не напрасно считается рубежным для каждого студента. На первом курсе самые сложные предметы. Приходится изучать строение человеческого тела, функции органов и тканей, биохимические процессы в организме. Тут уж подлинная проверка на прочность. Не каждый выдерживал её и не каждый мог преодолеть страх и брезгливость, заходя в анатомичку.

Нельзя сказать, что Михаил Гулякин преодолел всё без труда, но ему удалось собрать в кулак свою волю, когда настал час знакомства с этим особым предметом.

Конечно, к этому готовились не только студенты, но и преподаватели. Группе Михаила Гулякина повезло. Студентов, осторожно и робко переступивших порог анатомички, встретил немолодой уже, опытный преподаватель.

– Побыстрее, товарищи, – поторопил он деловым, строгим голосом, – программа насыщенная. Нельзя терять ни минуты. Подходите к столу...

Михаил сделал шаг вперёд, стараясь не смотреть на стол. Его товарищи тоже прятали взгляды, делая вид, что их больше интересуют потолок, стены и окна секционного зала.

Но это всё скоро пришлось отставить, поскольку преподаватель начал объяснение учебного материала почти без паузы. Он предупредил, что первое занятие – ознакомительное, а вот в следующий раз будет спрашивать и выставять оценки.

Напоминание о том, что придётся отчитываться за свои знания, заставило несколько по-иному взглянуть на предмет, который предстояло освоить.

А потом от занятия к занятию студенты стали привыкать к анатомичке. На одном из занятий у преподавателя спросили, почему все анатомические обозначения даются в латинской транскрипции. Тот посмотрел на часы и сказал:

– Ну, хорошо, несколько минут у нас есть. Поясню...

Первокурсники в тот день услышали много интересного и нового. Оказалось, что медицинскую терминологию разработали ещё римляне в древние времена, а названия болезней ввели древние греки. Прошли столетия. За это время врачи многих стран пытались выработать свою национальную терминологию, но ни у кого ничего из этой затеи не вышло. Так и осталась латинская и греческая терминология международным языком медиков. Потому и приходилось первокурсникам заучивать наизусть множество различных названий и терминов на латинском и греческом языках.

Михаил постепенно втянулся в занятия, появились у него и свободные минутки, которые он использовал на знакомство с Москвой, на походы в музеи, в театры. В институте работало много различных кружков, спортивных секций, а однажды появилось объявление о наборе в аэроклуб.

И снова решение, которое в дальнейшем сыграло огромную роль в судьбе.

Михаил долго смотрел на объявление. Казалось бы, для чего медику нужно прыгать с парашютом? Между операционным столом и небом дистанция огромного размера.

Подожёл Виктор Гостеев. Прочитал и спросил:

– Хочешь записаться?

– Не знаю. А ведь здорово, наверное. Читал я о парашютистах, но сам не видел, как с парашютом прыгают.

– Ну, так пошли. Вот и адрес. Арбат. Это где-то недалеко от Смоленской площади. От нас – рукой подать. Ребята уже там побывали.

– Это что же, аэроклуб в городе. А как же прыжки? – удивился Гулякин.

– Не беспокойся, прыгать будем на аэродроме за городом. Ну что, после занятий пойдём?

– Заманчиво! – задумчиво сказал Гулякин и прибавил решительно: – Идём!

С того дня они с Гостеевым несколько раз в неделю сразу после занятий спешили в аэроклуб, который находился в небольшом здании внутри квартала. Там царила необычная, непохожая на институтскую атмосферу.

Даже манера поведения у тех, кто работал в аэроклубе, была совсем не такая, как у остальных. Держались несколько вольнее, ходили вразвалочку, вели себя чуточку развязно, но без бравады. Были они людьми простыми, весёлыми, любили шутку, умели беззлобно подтрунивать друг над другом.

А до прыжков оказалось очень и очень далеко. Сначала теория. Доскональное изучение устройства парашюта, затем в классе на подвешенной к потолку парашютной системе отрабатывали управление парашютом, приземление, отделение от него.

И у каждого на языке был один вопрос – когда же прыгать? А инструкторы только посмеивались. Не спешите, мол. Прыгать надо тогда, когда всё, что надо выполнить в небе, будет доведено до автоматизма на земле.

После занятий в классе, тренировались во дворе на небольшой вышке. Там просто нужно было прыгнуть и опуститься на тросах, чтобы отработать приземление. Наконец, вывезли на прыжки с вышки, где над головой уже трепетал купол парашюта.

И вот выезд на подмосковный аэродром.

– Ты хоть на самолёте-то летал? – спросил у Михаила Виктор Гостеев, хотя, конечно же, знал ответ.

– Откуда ж? – пожал плечами Гулякин.

– И я не летал. А так хочется. Вот хоть сейчас бы в лётчики ушёл. Я просился, да не взяли.

– А как же медицина? – удивился Михаил.

– Так я ж учусь и неплохо.

– И правильно, что не взяли, – рассудил Михаил. – Умение прыгать с парашютом может пригодиться врачу. А вот летать? Летать не его дело. Разные профессии.

Ровное поле аэродрома, покрытое снегом, искрилось в лучах солнца. Мороз слегка пощипывал нос и уши, в воздухе стоял гул моторов, особый гул, не похожий на тот, что в городе.

– Повезло вам, ребята, зимой прыгать мягче, – подбадривали инструкторы.

Михаил думал, что они шутят и лишь годы спустя узнал, что сугробы иногда даже спасают парашютистов при неудачном приземлении.

Первый раз в жизни поднялся он на борт самолёта, пусть лёгкий, одномоторный, но настоящий. Взревел двигатель, самолёт разбежался по взлётной полосе и оторвался от земли.

Что испытывал он в те мгновения? Радость? Да. Но и робость – тоже немного.

Команда «пошёл» прозвучала неожиданно. Михаил сделал шаг и провалился в сияющую и сверкающую бездну – день выдался солнечным, ясным, слепило глаза от яркого света, от голубизны неба, от белизны снежного покрывала.

С лёгким щелчком раскрылся парашют, и купол его вспыхнул над головой. Тревоги, опасения, робость всё осталось позади. Сердце наполнилось радостью, гордостью. Не столь ещё привычным был парашютный спорт, и далеко не каждый мог похвастать причастностью к этому делу настоящих, сильных и мужественных людей.

Не думал тогда Михаил, что причастность к этому делу через несколько лет сыграет значительную роль в его судьбе.

Как-то отец сказал ему, ещё бывшему тогда школьником:

– Ты родился в восемнадцатом, стало быть, ровесник Красной Армии... Знаешь, что мне заявил фронтовой комиссар, когда узнал о твоём рождении?

– Что буду военным.

– Угадал.

Тогда Миша задумался, но заявил решительно:

– Нет, я мечтаю строить дома, хорошие, большие, светлые, чтобы людям там жилось хорошо и радостно.

Давно это было, а Михаил нет-нет да вспоминал о разговоре, хотя выбрал профессию совершенно, как ему думалось, мирную.

Первый шаг в военные хирурги

В 1939 году, когда Гулякин оканчивал второй курс, стало известно, что в их 2-м Московском медицинском институте, самом, казалось бы, мирном учебном заведении, открывается военный факультет.

По-разному восприняли это известие студенты. Время наступало суровое. В Европе набирал силу фашизм, поработавшая страны, кое-где осторожно, больше подкупом и обманом, как в Чехословакии, а кое-где и открыто, как в Испании.

Весной 1939 года начался отбор слушателей на военный факультет. Перед студентами, заканчивавшими второй курс, выступали преподаватели. Они не агитировали. Просто разъясняли задачи, которые предстоит решать тем, кто свяжет свою жизнь со службой в Красной Армии.

Студентам рассказали, что военные факультеты образованы не только при 2-м Московском, но и при Харьковском, Саратовском медицинских институтах. Красной Армии нужны были врачи. Те, кто решал перейти на военный факультет, зачислялись в кадры Красной Армии.

– Не такая уж мирная, выходит, у нас профессия, – сказал после одной из бесед Виктор Гостеев. – Ещё Гомер в своей «Илиаде» называл воинов врачей Махаона и Подалирия. Они уже тогда оказывали помощь раненым, – напомнил он.

А рассказал об этом студентам выступавший перед ними военный врач. Поведал он и о зарождении военной медицины в России.

В 1654 году при Аптекарском приказе – высшем органе медицинского управления в Московском государстве XVI – XVII вв. – была организована подготовка военных лекарей, а в 1658 году 13 выпускников уже отправились в полки.

Первые сведения о штатных полковых лекарях в русской армии относятся к 1711 году, а в «Уставе воинском 1716 года уже предусматривались в дивизиях должности дивизионных докторов и штаб-лекарей, занимавшихся главным образом хирургией. В полках вводились полковые лекари, в ротах – цирюльники.

Русские военные врачи в XVIII-XIX веках нередко становились новаторами в делах медицинских. Ведь они по существу шли дорогами, не проторенными.

К примеру, Павел Захарович Кондоиди (1710-1760) – русский врач, организатор здравоохранения и военной медицины в России в середине XVIII века – впервые в России разработал план медицинского обеспечения войск, инструкцию для руководящего состава армии, создал первый подвижный походный госпиталь, что позволило резко снизить смертность среди раненых.

В 1793 году штаб-лекарь Ефим Тимофеевич Белопольский составил «Правила медицинским чинам», в которых значительное место было уделено мерам по предупреждению болезней.

По распоряжению Александра Васильевича Суворова эти правила немедленно ввели в действие в подчинённых ему войсках. Ну а затем они стали обязательными для всей русской армии.

Студентам рассказали и о наиболее знаменитых мастерах своего дела, о Николае Ивановиче Пирогов и Николае Ниловиче Бурденко, об участии в совершенствовании военной медицины выдающегося терапевта Сергея Петровича Боткина (1832-1889), создателя русской школы терапии.

В 1855 году Боткин добровольцем поехал в Крым, в действующую армию и в течение трёх месяцев работал ординатором Симферопольского госпиталя под руководством Пирогова. Впоследствии он стал одним из основоположников военно-полевой терапии.

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов, будучи врачом штаб-квартиры, занимался совершенствованием организации терапевтической помощи в боевых условиях. Он указывал, что военный врач должен быть не только хирургом, но и терапевтом, умеющим лечить, а главное предупреждать болезни среди личного состава. Он организовал изучение характера заболеваний и заболеваемости во время войны, занимался вопросами противоэпидемической службы, передислокации госпиталей, эвакуации больных и раненых воинов.

Быть военным хирургом, оказывать помощь раненым под огнём врага, как это делал Николай Иванович Пирогов во время знаменитой Севастопольской обороны и в ходе русско-турецкой войны, как Николай Нилович Бурденко, Георгиевский кавалер, участник русско-японской войны 1904-1905 годов и 1-й мировой войны – это ли не ответственно и почётно.

Михаил без колебаний решил стать военным медиком и написал впервые уже не заявление, а рапорт с просьбой направить его для дальнейшего обучения на военный факультет 2-го Московского медицинского института.

И вот поезд несёт его к Москве, а впереди – неизвестность, впереди война, на которой у каждого медика, а особенно медика военного всегда есть своё священное дело – дело спасения бойцов и командиров, заступающих пути лютому врагу, вторгшемуся в пределы Отечества.

Поезд шёл быстро. Миновали станцию Старица. Кто-то из слушателей поведал из полумрака, что станция эта находится в двенадцати километрах от города, потому что во время прокладки железнодорожных путей какой-то землевладелец – тот, кому принадлежали земли в районе Старицы, отказался пускать строителей. Так и заявил: «Не нужна мне железная дорога!»

Михаил уже стал дремать, когда услышал характерный для мостов перестук колёс и восклицание:

– Надо же, Волга! Я и не заметил, что подъезжаем к Калинин. Ни огонька...

Это говорил слушатель, который был родом из этого города. Он прильнул к окну, пытаясь разглядеть в темноте родные места.

– Пролетарка... Это фабрика такая, ткацкая, – говорил он. – По ней и район назван. А вот и вокзал...

И тут же за окном потянулось типовое здание, тоже затемнённое.

Поезд шёл быстро, скоро промелькнула поблескивающая в темноте гладь Ивановского водохранилища, построенного в 1937 году и постепенно приобретавшего название Московского моря, прошумели пролёты моста. Миновали Клин, Солнечногорск. И вот уже по расчётам пора было быть окраинам Москвы. Но за окнами по-прежнему ни огонька не видно. Казалось, по сторонам тянулся дремучий лес.

«Может, всё-таки запаздываем?» – подумал Миша Гулякин, но тут увидел внизу широкую светлую полосу.

Это была Москва-река. Вагонные пары прогремели по знаменитому мосту, выгнувшему два стальных хребта по сторонам железнодорожного полотна.

Вот и город. Но где же зарево от электрических огней, которые обычно заливают в этот ещё не поздний час столичные улицы, где свет московских окон?

Поезд стал замедлять ход, за окном разбежались паутинки железнодорожных путей, и, наконец, потянулся длинный тёмный перрон.

В вагоне снова заговорили о маскировке. Только теперь это звучало тревожнее: речь шла о Москве. Какие уж тут условности тактической обстановки? Все были удивлены, даже несколько растеряны. Москва затемнена, словно прифронтовой город.

Многолюдный и шумный для столь позднего часа Ленинградский вокзал встретил тревожным полумраком. Лишь в залах ожидания, да в некоторых служебных помещениях, окна которых были плотно завешены тёмными шторами, горело дежурное освещение.

Прозвучали команды, и слушатели вышли на привокзальную площадь. Там построились в походную колонну и зашагали по Москве, печатая шаг. Только вот без песни. И время позднее, да и настроение несколько упало.

Утром слушателей курса собрали в актовом зале института. На трибуну вышел начальник факультета военврач 1 ранга Борисов. Стало тихо, так тихо, как ещё никогда не было здесь, если собирался целый курс.

– Второй день по всей границе от Балтийского до Чёрного моря идут жестокие бои, – сказал он. – На некоторых направлениях врагу удалось вклиниться на нашу территорию. На нас напал сильный враг, на которого работает вся порабощённая им Европа. Принято решение выпустить слушателей вашего курса досрочно.

В зале произошло заметное оживление, послышались возгласы: «Что я говорил! Скоро на фронт!» или «Скоро будем в Берлине!»

Под строгим взглядом начальника факультета все замолчали.

– Программа обучения практически не изменится, однако будет уплотнено расписание занятий, – продолжал Борисов. – Экзамены предполагается провести в сентябре. Будет тяжело, очень тяжело, но прошу помнить – вашим сверстникам на фронте намного труднее.

Все организационные мероприятия по подготовке к началу занятий, по изменению порядка завершились в два дня, и скоро слушателям выдали бланки с новым расписанием.

– Ты только взгляни, Миша! – воскликнул Виктор Гусев, бегло просмотрев расписание. – Завтра двенадцать часов, послезавтра – тоже, а в среду и четверг – по четырнадцать.

Гулякин пожал плечами:

– Что же делать, война...

Вскоре был составлен график дежурств в клинике института. Он тоже оказался необычайно плотным.

Начались суровые учебные будни, потекли насыщенные до предела недели. Никто из слушателей не роптал. Все понимали, что нужно набираться терпения, выдержки, что отдохнуть удастся только после победы.

Приступили к занятиям и студенты гражданских факультетов. Собирались они на учёбу медленно. Многие проходили врачебную практику в больницах приграничных областей, где уже бушевала война.

Во время коротких перерывов между занятиями, по пути из одной аудитории в другую слушатели военфака забегали в деканаты гражданских факультетов, чтобы узнать, нет ли вестей от недавних однокашников, с которыми вместе начинали учёбу на младших курсах. Особенно беспокоились за своих девушек. Кое-кто даже приуныл, не получая от них вестей, и для того были основания. Известия с фронта не радовали. Они становились день ото дня всё более тревожными. Уже в середине июля стало известно о гибели студентов, встретивших войну в западных областях.

Всех объединяло одно стремление – скорее окончить институт и попасть на фронт, чтобы оказывать помощь раненым. Каждый понимал, что медицинское обслуживание стоит в одном ряду с авиационным и артиллерийским, что медработники так же нужны армии, как бойцы и командиры. На это указывалось во многих приказах и установочных документах.

А дни, насыщенные сложными и напряжёнными занятиями, изнурительными дежурствами в клиниках, тянулись очень медленно.

Всё личное – после победы!

Однажды вечером, вернувшись в общежитие, Михаил нашёл на своей тумбочке конверт, подписанный ровным, аккуратным и очень знакомым почерком.

«От Лиды!» – сразу понял он, и сердце радостно забилося.

Чистые и нежные отношения со скромной, милой девушкой, Лидой Пелагеиной, завязались у Михаила ещё на первом курсе. Многие пророчили даже скорую свадьбу. Но в минувший год наметился в этих отношениях холодок.

И вдруг письмо...

Михаил вскрыл конверт, стал читать, примостившись у подоконника.

«Я очень переживаю за тебя, – писала Лида. – Что ждёт впереди? Ведь ты военный, а значит, скоро будешь на фронте. Как же внезапно нахлынула беда! До сих пор не могу осознать, что всё светлое и радостное осталось позади, за чертой этого страшного слова – война. А впереди? Потери, разлуки. Как найти своё место в этом круговороте событий? Как не потеряться в нём?»

В письмо было много нежных и тёплых слов, в каждой строчке звучала тревога за его судьбу, и Михаил, глубоко взволнованный, долго сидел у окна, задумчиво глядя вдаль и вспоминая радостные свидания с Лидой, беззаботные прогулки по Москве, разговоры о будущем, о профессии, о жизни...

Он взял чистый лист бумаги, ручку и подумал: «Что же написать?»

Не мог пока ещё до конца разобраться в своих чувствах, да и не время теперь было делать это. Считал, что война перечеркнула всё личное. И она действительно подчинила мысли, желания, стремления одной великой цели, ради которой уже гибли его сверстники на поле боя.

И он написал:

«...Время требует от нас беззаветного выполнения долга перед Родиной, куда бы она ни поставила, какой бы участок не поручила. Всё личное должно решаться после победы...»

Он не мог знать, что война подарит ему встречу с Лидой, встречу, которая расставит всё на свои места, а точнее, утвердит то, что уже расставила война.

Острота обстановки, чувство общей опасности – всё это располагало к особой откровенности между людьми.

Однажды во время дежурства в клинике Миша Гулякин встретил свою однокурсницу Женю. Они учились вместе до его перевода на военный факультет. Миша никогда не назначал ей свиданий. Видел её прежде только коридорах института, да в лекционных аудиториях. Но ведь и с другими девушками он тоже сидел, порой, рядом на лекциях, говорил об учёбе. А вот к Жене чувствовал симпатию, и как казалось, она тоже симпатизировала ему. Они с удовольствием помогали друг другу, если была нужна какая-то помощь в учёбе, радовались успехам на сессиях. И только...

И вот он снова увидел Женю после небольшого перерыва. Столкнулся с ней лицом к лицу, когда она выходила из операционной. Женя была чем-то огорчена, подавлена. На глазах – слёзы. Только что завершилась операция, во время которой хирург пытался спасти раненого. Раненых, особенно тяжёлых, всё чаще привозили в институтскую клинику.

Этот был особенно тяжёлым, и все старания хирурга оказались напрасными.

– Представляешь Миша, – немного придя в себя, начала Женя. – Он же ещё совсем, совсем мальчишка... Этот раненый. Я была ассистентом. Сердце кровью обливалось. Он совсем как мой братишка, который добровольцем ушёл на фронт. И этому пареньку всего восемнадцать. Ничего ещё в жизни не видел, а уже дрался с врагом, Родину защищал... И вот его уже нет. Ужасно, просто ужасно это осознать, тяжело видеть всё это.

– Успокойся, что ты, успокойся, – поглаживая её каштановые волосы, выбивающиеся из-под сползшей набок шапочки, говорил Михаил. – Сейчас столько горя вокруг! А раненым не слёзы наши нужны, а руки. Ты же хирург. Ещё немного, и будешь оперировать самостоятельно. Может, я ещё к тебе на стол попаду, – попытался он пошутить, но это ещё больше расстроило Женю.

Она подняла на него большие, полные слёз глаза и заговорила:

– Зачем ты так? Разве шутят с этим? Я боюсь за тебя. Я не хочу расставаться с тобой, хочу быть всегда рядом. Я, я.., – она потупилась, – люблю тебя.

Михаил опешил. Что он мог сказать? Ответить взаимным признанием он не решался. Не был уверен, что у него есть какие-то особые, а не чисто дружеские чувства. И в то же время боялся обидеть милую девушку неосторожным словом.

Неожиданно подумал: а прав ли был, когда писал Лиде, что всё личное нужно отбросить до конца войны? Ведь в эти суровые дни всеобщего горя дороги даже самые малые проявления добрых чувств, даже мгновения радости.

– Гулякин, на операцию, – послышался голос ассистента.

– Ну, я пошёл, – сказал Михаил, всё так же нежно глядя Женины волосы. – Подожди в ординаторской. Сегодня много раненых.

В те июльские дни Москва, ещё далёкая от переднего края, уже стала прифронтовым городом. В клиники и больницы доставляли тяжелораненых, которым требовалось длительное и серьёзное лечение, нужна была квалифицированная медицинская помощь. Военных госпиталей не хватало, и под них оборудовались не только клиники, больницы и другие медицинские учреждения. Постановлением Советского правительства предписывалось превратить в госпи-

тали сотни домов отдыха и санаториев, предполагалось выделить для лечения раненых лучшие общественные здания, школы.

Остро ощущалась нехватка персонала. Дежурства в клиниках и больницах возложили на студентов-медиков, на слушателей военных факультетов.

Всего несколько месяцев назад казалось, что всё, о чём рассказывали преподаватели, ссылаясь на опыт боёв на реке Халхин-Гол и озере Хасан, может и не понадобится никогда. И вот теперь эти знания были востребованы.

Прежде слушателям чаще всего лишь на схемах или анатомических атласах показывали, как иссекать края загрязнённых ран, какие ткани после хирургической обработки необходимо зашивать наглухо, а какие нет, как обезболить оперируемое место с помощью раствора новокаина... Теперь слушатели видели всё это своими глазами, а иногда и проделывали всё сами.

Вот и теперь Гулякина не случайно позвали в операционную. Персонала не хватало. Слушатели всё чаще были необходимы. На столе лежал молоденький красноармеец. Лицо его было в испарине, щеки бледные, впалые, пульс частил.

– Дать наркоз! – распорядился хирург, и Михаил быстро наладил аппарат.

Раненый заснул. Операция началась. Предстояло ампутировать ногу, посечённую осколками снаряды. Медлить с операцией было нельзя: слишком далеко забралась инфекция.

Михаил точно выполнял указания хирурга, внимательно следил за его работой, стараясь запомнить каждое движение. Знал: всё это пригодится очень и очень скоро.

Как он понимал сейчас Женю, опечаленную исходом операции, в которой она участвовала. И пусть жизнь оперируемого сейчас раненого была вне опасности, но он оставался без ноги. Каково это?! Молодой, полный сил человек – и без ноги... Чувство жалости к пареньку сжимало сердце, однако Михаил взял себя в руки, понимая, что не жалость нужна сейчас раненому, а помощь, квалифицированная срочная помощь.

После операции Михаил вслед за хирургом вошёл в ординаторскую. Жени там уже не было. Её вызвали на перевязку.

Михаил всё ещё оставался под впечатлением операции и с некоторой горячностью спросил у хирурга:

– Ну, неужели ничего нельзя было сделать, неужели невозможно спасти ногу?

– Поздно, слишком поздно привезли к нам раненого, – развёл руками хирург. – Нелегко сейчас на фронте. Прёт враг, ещё как прёт. Собрал силищу. Сводки слушаешь?

– Причём здесь раненый и его нога?

– Очень даже, очень... Попробуй-ка организовать чёткую сортировку раненых, попробуй ка своевременно отправить в тыл тяжёлых, выделить из них таковых, которым можно ещё, к примеру вот ногу спасти. Медсанбаты постоянно меняют место расположения, транспорта для отправки раненых в госпиталя часто не хватает. Наслушался я рассказов. Есть у нас тут несколько медиков, уже прооперированных.

– Да я понимаю, что сложно. Просто жалко паренька.

– Думаешь, мне не жалко? Но рисковать жизнью солдата права не имел. Показания к ампутации были самые серьёзные.

– И мастерство хирурга не всегда может помочь? – спросил Гулякин.

– Мастерство необходимо. Очень важно оттачивать своё мастерство, но мы, увы, не все-сильны. Тем не менее, от врачей очень многое зависит. Нужно научить санитаров правильно помощь на поле боя оказывать, самих бойцов обучить оказанию первой помощи. Всё это отразится на дальнейшем лечении.

Но главное, конечно, будут делать ваши руки – руки хирургов переднего края. В тыловом госпитале уже трудно что-то изменить. Вот как сегодня. А ведь можно было спасти ногу, но на более ранней стадии. Сразу после ранения, или в медсанбате. Не уверен, но, пожалуй, спасли бы.

С 21 на 22 июля Михаил Гулякин заступил на дежурство. Оно начиналось утром и продолжалось сутки. В обязанности дежурного входили участие в операциях, контроль за прооперированными ранеными и больными, различная лечебная работа.

Весь день прошёл в неотложных делах. Операции, перевязки следовали одна за другой. Несколько раз, да и то мельком, Михаил видел Женю. Она тоже заступила на дежурство. Но поговорить с ней не удавалось. Только успела шепнуть на ходу:

– Хорошо, что завтра после дежурства мы свободны. Ведь двадцать второго твой день рождения.

– До него ли теперь!? – махнул рукой Михаил.

– Послушай! – вдруг воскликнула она. – А это что? – она коснулась рукой петлички, видневшейся из-под халата, на которой появились два кубика. – Я в званиях не разбираюсь. Но вижу, что можно поздравить с повышением. Ты кто теперь?

– Военный фельдшер. Есть такое у нас звание!

– Ну что ж, товарищ военный фельдшер, разрешите послезавтра после сдачи дежурства прибыть к вам для поздравления с днём рождения. До него осталось, – она мельком взглянула на часы, – меньше четверти суток.

Но Михаил прав. Действительно оказалось, что не до дня рождения. Около полуночи объявили воздушную тревогу.

Всю ночь по небу шарили лучи прожекторов, и оно было словно изрезано на разнообразные геометрические фигуры. Стучали зенитки, грохотали разрывы снарядов, вспыхивали жёлто-красными облачками, надрывно и монотонно выли моторы вражеских бомбардировщиков.

Отбой воздушной тревоге дали только под утро.

Сменившись с дежурства, Михаил не ушёл из клиники, а, немного отдохнув в ординаторской, снова включился в работу. В тот день в клинику доставляли москвичей, пострадавших при бомбёжке.

Вечером, возвращаясь в общежитие, Михаил заметил, как сильно изменилась столица. На окнах появились бумажные перекрестья, у стеклянных витрин магазинов – мешки с песком. Во дворах притаились зенитки и прожекторные установки.

– Ну как дежурство? – спросил приятель Виктор, когда Михаил вошёл комнату. – Да-а. С днём рождения тебя. Чуть не забыл в этой суете.

– Спасибо! Только день-то сегодня, пожалуй, самый печальный. Представляешь, как обидно – именно в мой день рождения первый налёт на Москву...

– Читай газету! – сказал Виктор, протягивая свежий номер. – Ничего у них не вышло. Наши сбили двадцать два ихних самолёта. Это только по предварительным подсчётам. Ну а если ещё сунутся, ещё получают.

Но фашисты сунулись и не раз. Их не останавливали потери. Враг хотел деморализовать москвичей, сломить волю к сопротивлению, но просчитался. Части зенитной артиллерии и истребительной авиации надёжно защищали небо столицы. К Москве прорывались единицы вражеских бомбардировщиков, да и те редко возвращались на свои аэродромы.

«Направляетесь в ВДВ»

В напряжённой учёбе, прерываемой изнурительными дежурствами, прошло лето. Началась осень, и, наконец, 25 сентября после завершения выпускных экзаменов слушателей собрали в Центральном Доме Красной Армии имени М.В. Фрунзе.

В торжественной обстановке был зачитан приказ о присвоении выпускникам военного факультета звания «Военврач 3 ранга». Затем вручили дипломы.

Банкета, которым сопровождался год назад первый выпуск военфака, конечно, не было. После торжественной части молодые военврачи посидели в буфете, скромно отметили выпуск, а уже 28 сентября их вызвали на распределение.

Гулякин, как круглый отличник, имел право выбора места службы. Но что было выбирать? Если год назад выпускникам был смысл проситься в крупный госпиталь на клиническую работу, то теперь всё переменялось. Все стремились на фронт. А на какой? Разве это имело значение?

И вот Михаил в кабинете начальника курса. За столом комиссия, занимающаяся распределением.

– Товарищ военврач первого ранга, – вытянувшись перед председателем комиссии, начал Михаил, – военврач третьего ранга Гулякин прибыл для получения назначения.

Военврач 1 ранга Акодус спросил:

– Где желаете служить, Михаил Филиппович? Мы предоставляем вам право выбора.

– Там, где сочтёт необходимым командование! – твёрдо ответил Гулякин.

– И всё-таки? Есть хоть какие-то пожелания? – спросил Акодус.

– Если можно, направьте меня вместе с Гусевым. Мы с ним давние друзья. Он ведь на фронт попросился?

– Гусев... Гусев..., – повторил Акодус, просматривая списки. – Вот он, Гусев. Поедет служить в войска Приволжского военного округа.

– Но он же на фронт рвался?! – с удивлением воскликнул Гулякин, вопросительно глядя на Акодуса.

Тот лишь горько усмехнулся, встал, опершись на подлокотники кресла, обошёл вокруг стола и, положив руку на плечо Михаила, тихо сказал:

– Эх, молодость, молодость. Подавай вам фронт, и всё тут. Бойтесь не успеть, думаете, что войны на вас не хватит. Увы, на всех, к сожалению, хватит этой войны, каждому достанется с лихвой. Вы уж мне поверьте. И Гусев не на курорт едет. Так я говорю? – обратился он к членам комиссии.

– В Приволжском военном округе, Миша, – пояснил Боцманов, – резервы формируются, причём, части и соединения, близкие к вашей специальности врачей Военно-Воздушных Сил. Там сейчас доукомплектовывается воздушно-десантный корпус. Служба у десантников нелёгкая, поэтому посылаем туда только добровольцев.

– Прошу направить меня в Приволжский военный округ, в воздушно-десантные части, – попросил Михаил и тут же добавил: – Я ведь занимался в аэроклубе и прыгал с парашютом.

– Хорошо – кивнул Акодус, садясь в кресло и подвигая бумаги. – Направляетесь в Воздушно-десантные войска! Вас, Михаил Филиппович, мы назначим старшим группы. Завтра получите предписание. Прибыть нужно будет в Ульяновск. Оттуда направят по назначению.

В коридоре Гулякина ждал Гусев.

– Ну что?

– Едем вместе, – ответил Михаил.

После распределения Михаил Гулякин и Виктор Гусев направились в общежитие.

– Ты доволен, что попал в Воздушно-десантные войска? – спросил Гулякин.

– Ещё бы. Не зря ж мы с тобой в аэроклубе занимались, не зря с парашютами прыгали.

– Служба там посерьёзнее, чем где-то на аэродроме, – задумчиво проговорил Гулякин.

– Да что там, на аэродроме?! Она, пожалуй, даже посерьёзнее, чем в пехоте-матушке. Помнишь, как медсанбат на учениях развёртывали? А как там развёртывать, когда будем в тылу врага?

– Справимся! – уверенно сказал Гулякин и прибавил: – На почту надо зайти. Может, письмо есть из дому.

Письмо было. От сестры. Гулякин тут же вскрыл его и стал читать, кое-что комментируя.

Сестра сообщала, что отец, Филипп Кузьмич, и старший брат Алексей уже в действующей армии, младшие, Александр и Анатолий, пока не подходят по возрасту, но рвутся в бой и несколько раз побывали в военкомате. Александра пообещали направить в артиллерийское училище.

– Представляешь, – говорил Михаил другу, – мои старшие уже дерутся с врагом. А я в тылу прозябаю.

– Недолго и тебе осталось, – возразил Виктор. – Постой, это что же, и отец на фронт ушёл? Он ведь по возрасту не подходит.

– Разве его удержишь? К военкому ходил, добровольцем попросился. Это вторая война для него.

– Что и в империалистической участвовал?

– Не успел. Мобилизовали только в семнадцатом, в начале года, и направили в запасной полк, что стоял в Москве, в Покровских казармах. В Москве и революцию встретил, ну а потом гражданская. Всю провоевал от звонка до звонка...

За разговором незаметно добрались до общежития, вошли в свою комнату. Впервые некуда было спешить. Михаил подошёл к окну, задумчиво оглядел двор. И вдруг поймал себя на мысли, что только сейчас заметил – осень полностью вступила в свои права. Позолотило деревья в небольшом скверике под окном. Клумбы с увядающими цветами, дорожки в сквере спрятались под разноцветное, пышное лиственное покрывало.

– Скоро поезд? – поинтересовался Виктор.

Михаил взглянул на часы, ответил:

– Через три часа. Даже не верится, что уже утром увижу маму, сестру, братьев. Не думал, что отпустят. Сейчас такое время! И вдруг дали целых двое суток!

– Да много ли это? Туда и обратно... Только разбередишь себя.

– Не скажи. В нынешнее время каждая встреча с родными дорога. А тем более с братишками, которые на фронт рвутся.

До Тулы Михаил добрался пассажирским поездом. Дальше ехал рабочим. Вагон был переполнен до отказа. Среди пассажиров в основном женщины с детьми, пожилые люди. Ехали, кто куда. Одни покидали город и направлялись в сельскую местность, чтобы там переждать грозу, другие спешили на работу.

С грустью и тревогой смотрел Михаил на маленьких пассажиров, которых немало оказалось в вагоне. Дети всегда остаются детьми, и ничто их не берёт – так же непоседливы, так же говорливы они были и теперь. И всё же что-то едва уловимо изменилось в их поведении, появились скованность, осторожность. Весёлость внезапно сменялась печалью, а то и испугом.

Пассажиры с уважением смотрели на Гулякина, одетого в новую, с иголки, военную форму: молод, а знаки различия военврача 3 ранга.

Пожилый мужчина в рабочей спецовке, сидевший напротив, спросил:

– Что слышно, товарищ командир, когда остановим фашистов?

– Остановим, обязательно остановим, – ответил Михаил.

– Все так говорят, – сокрушённо вздохнул рабочий. – Но когда же, когда?

– Скоро...

Да и что ещё мог ответить Гулякин. Пояснил:

– Я только вчера учёбу закончил. Отпустили попрощаться с родителями перед отправкой на фронт.

– Оно и понятно, – сказал рабочий, ещё раз придирчиво оглядев Михаила. – Врач? – спросил он, обратив внимание на эмблемы.

– Врач, – кивнул Михаил.

Рабочий оживился, заговорил по-отечески:

– Ты вот что, сынок, поласковее, потеплее с ранеными-то. Меня в гражданскую сильно зацепило. Вытащили с поля и сразу в лазарет. В бреду был, но, знаешь, запомнилось что? Глаза хирурга, что штопал меня. Тёплые, добрые глаза. И боль... Моя боль в них будто отражалась. Вот и у тебя глаза, вижу, добрые.

Эти горячие, убедительные фразы пожилого человека, годящегося Гулякину в отцы, запали в душу. Часто он вспоминал того рабочего и маленький урок, им преподанный.

Разговор привлёк внимание других пассажиров. Пожилая женщина спросила, сколько лет молоденькому военврачу. Кто-то поинтересовался, откуда он родом.

Михаил был приветлив и внимателен. Он понимал, что сейчас представляет в этом вагоне всё воинство, вставшее на защиту Отечества, и вся любовь этих простых людей к Красной Армии, которую они, безусловно носят в сердце, сосредоточена на нём.

Узнав, что у него три брата, что один из них уже на фронте вместе с отцом, что и младшие ждут не дождутся, когда настанет их черёд, женщины стали сокрушаться, жалея мать: сколько же тревог, сколько горя придётся ей пережить, провожая на смертный бой с фашистами мужа и детей.

И, конечно, больше всего тревожила судьба тех, кто уже на фронте, да и его, Михаила, которому тоже предстояло отправиться в пекло. Да и кто мог предположить, как сложится судьба Гулякиных в этой войне, кто из них встретит победу, а кто останется в сырой земле, сложив голову за счастье Родины.

Из Тулы поезд выходил ранним утром. Когда Михаил, стараясь быть как можно более деликатным, всё же вынужденно участвовал в штурме вагона, предраассветная мгла окутывала перрон. Но вот миновали Щекино, и затеплился тусклый осенний рассвет. Пассажиры в вагоне менялись. Кто-то вышел ещё на Косой Горе, кто-то в Щекино, кто-то на небольшой станции Лазарево. Другие сели в Плавске, чтобы ехать в Чернь, Орёл. Туда ехали на работу.

Занимался день 30 сентября, и никто в поезде ещё не знал, что в этот день, в то самое хмурое осеннее утро перешла в наступление 2-я танковая группа генерала Гудериана, которая нанесла первый удар по советской обороне, за два дня до начала всеобщего наступления по плану операции «Тайфун». Никто в вагоне даже предположить не мог, что город Орёл, тот самый Орёл, в который многие ещё ехали на работу, в ночь на 3 октября будет оставлен нашими войсками, и уже утром в него вступят части 4-й танковой дивизии 24-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы Гудериана. Тяжёлое иго оккупации надолго закроет солнце над старым русским городом. И освобождён он будет лишь 5 августа 1943 года в ходе стратегической наступательной операции «Кутузов».

А 30 сентября рабочий поезд спокойно шёл из Тулы в Орёл, развозя тех, кто спешил на фабрики и заводы, чтобы давать необходимую продукцию фронта, тех, кто ехал к родственникам, интуитивно ощущая близость тяжёлых времён. Отпускников, таких вот как Гулякин, было мало, да их, скорее, даже, практически не было.

Наконец, за окнами поплыли родные места. Вот и станция Горбачёво. Поезд на ней стоял не более минуты. Михаил спрыгнул на низкий, выщербленный перрон, когда состав ещё медленно тянулся вдоль него. Огляделся и не узнал станции. Её строения сильно пострадали от налётов вражеской авиации, близ железнодорожного полотна виднелись глубокие воронки.

«Значит и сюда добралась война, – подумал он. – Просто сегодня низкая облачность, потому и тихо, – и тут же охватила тревога: – Что дома?»

На станции дыхание фронта ощущалось значительно сильнее, чем в вагоне. Замаскированные позиции зенитной батареи, воронки, разрушенные пристанционные постройки, остовы сгоревших домов, пугающих обугленными печными трубами. Вот они ужасающие картины войны. И ведь за всеми этими картинами боль, горе и страдания людей.

Михаил быстро зашагал знакомой просёлочной дорогой, на которой помнил каждый поворот, каждый мосток, каждую низину и каждый пригорок. Постепенно следы войны

исчезли. Впереди показалась берёзовая рощица, вся в разноцветье листвы. Она и в пасмурный день красива, а вот выглянет солнце... Но если разбегутся облака и брызнут солнечные лучи, прилетят облака другие, с чёрными крестами на крыльях, и не останется следа от чудес природы. Конечно, рощицу никто бомбить не будет, если там не укрыты войсковые подразделения, боевая техника, но гул от бомбёжки станции далеко раскатится по окрестностям, стирая мирный тёплый пейзаж.

Миша Гулякин шёл той дорогой, которой он уже проходил десятки раз и во время учёбы в Орле, и в период работы в Туле, и позже, когда стал студентом, а затем слушателем военного факультета. Он проходил здесь с разными чувствами – с радостью в сторону дома, и с грустью от дома к железнодорожной станции.

Пятнадцать километров для молодого человека – расстояний пустяшное. За два с небольшим часа отмахал его, и, наконец, увидел вдалеке, в мутной осенней дымке родное село Акинтьevo. Вспомнил, как обычно, когда он приезжал, уже здесь, на горе, встречал его Анатолий, самый младший из братьев, особенно к нему привязавшийся.

Теперь никто не встречал, потому что никто и не ожидал приезда. Раньше-то всегда было известно, когда начинался отпуск.

Деревня показалась вымершей. На улице ни одного человека. Михаил остановился перед домом, осторожно стал открывать калитку, но всё же она скрипнула.

– Кто там? – послышался голос матери.

– Это я, мама!..

– Миша?!

Мать бросилась к нему, обняла, прижала к себе, потом отступила на шаг, любуясь строгой выправкой и красивой командирской формой сына.

– А где ребятки? – спросил Михаил, смущаясь.

– В школе. А ты надолго?

– Утром уезжаю.

В глазах матери мелькнула тревога.

– На фронт?

– Нет, сначала в Москву, затем в Куйбышев.

– В Куйбышев? – переспросила мама и с надеждой предположила: – Значит, в госпитале будешь работать?

Михаил подумал, говорить или не говорить, куда действительно он направлен, и решил повременить с этим.

– Пока не знаю, назначен в распоряжение... Там решат. Ты лучше расскажи, что отец пишет? Как дела у Алексея? – попросил он, стремясь перевести разговор на другую тему.

Но тема была одна – война...

– Отец воюет, – сказала мать, вытирая глаза краешком фартука, – Алексей оканчивает радиотехническое училище.

– Алёшка? Радиотехник? Значит, сменил свою мирную специальность зоотехника на связиста?

– Ну что ж мы стоим? – спохватилась мать. – Проходи в дом. Ты, наверное, голодный.

– Что ты, мама. Я даже вам кое-какие продукты прихватил. Нас хорошо кормят.

Они прошли в дом, Михаил сел на своё любимое место. Переодеваться не стал. Пусть братья увидят его в военной форме. Пока они не вернулись, решил поговорить о деле.

Начал осторожно:

– Фронт приближается, мама. Если врага наши в ближайшее время не остановят, надо эвакуироваться.

– Куда ещё? Зачем это?

– Нельзя оставаться здесь семье коммуниста, да к тому же первого председателя колхоза. Семье, в которой уже и сам отец и два сына в армии. Да и Александр в училище собирается.

– Да, Саша скоро уедет. Был в военкомате. Там сказали, что повестку пришлют на днях, – подтвердила мать. – Останемся мы с Аней и с Толиком.

– Нельзя вам оставаться, никак нельзя.

– Но куда же ехать?

Михаил задумался, потом решительно заявил:

– Вот на место службы прибуду, осмотрюсь, устроюсь, ну и вызову вас туда.

Договорить не дали братья. Они влетели в комнату и повисли на Михаиле.

– Ух, ты какой стал! – восхищённо говорил Александр. – Ну ничего. Я тебя скоро догоню! А вот было бы здорово всем нам братьям на фронте встретиться, а? Ты представляешь, попасть бы всем нам в одну часть и вместе бить фашистов.

Легли в тот день поздно. Александр, Анатолий и Аня заснули быстро, но до самой зари слышал Михаил тяжёлые вздохи матери. Она и не знала, что он в ту ночь тоже не сомкнул глаз.

Завтракали молча. Много, очень много ещё нужно было сказать другу-другу, но не очень говорилось перед разлукой, которая не обещала быть короткой. Лишь Анатолий нарушал тревожную тишину за столом и приставал с вопросами. Его интересовало, как дела на фронте, как воюют фашисты, какое у них оружие, какая форма. Михаил, конечно, кое что знал, ведь сколько раненых-то прошло уже через его руки в институтской клинике, но отвечал неохотно.

До станции его обещал подвезти почтальон. Вышли на улицу. Подкатила обычная деревенская повозка. Прыгнув в неё, Михаил помахал рукой своим родным, а потом долго ещё видел возле дома маму, братьев и сестру, которые всё смотрели и смотрели вслед, пока не скрылись из глаз.

В 1-м воздушно-десантном корпусе

Лишь к вечеру Михаил добрался до Москвы. А утром военврач 1 ранга Борисов собрал в одной из аудиторий выпускников, назначенных для отправки в Приволжский военный округ.

Старший группы Михаил Гулякин смотрел на суровые, сосредоточенные лица своих товарищей – молодых военврачей – и видел, как повзрослели они за несколько месяцев, что прошли с памятной июньской ночи в лагере.

Обычно лето для слушателей, студентов, для всех учащихся проносится незаметно, но минувшие месяцы этого грозного лета и месяц грозной осени запомнились непрерывными, напряжёнными занятиями, хлопотными дежурствами. Казалось, они тянулись целую вечность.

Военврач 1 ранга Борисов вошёл в аудиторию и жестом попросил не вставать и не докладывать ему. Он был взволнован. Голос слегка дрожал.

– Дорогие товарищи, – начал он, – все вы знаете, что представляют собой войска, в которые направляетесь. Хочу сообщить, что недавно над воздушно-десантными войсками взял шефство комсомол. Он посылает в эти войска лучших своих питомцев. И наш военный факультет направляет на службу туда лучших своих выпускников.

Борисов сделал паузу и оглядел молодых военврачей. Продолжил проникновенно, доверительно:

– В ваших руках будет жизнь воинов-десантников, тех, кто получит ранение в бою. А каждый бой десантника – это не просто бой. Каждый бой десантника – это подвиг. Вам придётся спасать раненых – перевязывать, оперировать, – словом оказывать врачебную помощь – в тяжелейших условиях, вдали от медицинских баз и, порою, под огнём врага. Может случиться так, что передний край будет со всех сторон, а подчас пройдёт через ваш медицинский пункт или медсанбат. Вот что такое служба в воздушно-десантных войсках. Вам будет очень и очень трудно. Ваша работа по медицинскому обеспечению, так же, как и боевая работа десантников,

несомненно, будет постоянным подвигом. Я верю, что вы не уроните чести института и военного факультета.

Военврач 1 ранга Борисов попрощался с каждым за руку, каждому сказал доброе напутственное слово. Он хорошо знал своих воспитанников, всех называл в минуту расставания по именам.

– Тебе, Миша, – тепло сказал он Гулякину, – желаю стать настоящим хирургом. Все данные у тебя есть. А сейчас иди, получай документы на всю группу. Выезд после обеда. По прибытии в Ульяновск представишь группу начальнику медицинской службы округа, а он уже распределит вас по частям и соединениям.

На вокзале былолюдно. В те осенние дни 1941 года дорога на фронт пролежала не только в западном направлении. Военные спешили на восток, туда, где в глубоком тылу формировались новые соединения, где вступали в строй промышленные предприятия, эвакуированные из западных областей СССР, где создавались мощные резервы, предназначенные для решительного отпора и разгрома врага.

Из репродукторов летели могучие, торжественные слова песни, родившейся в первые дни войны и сразу ставшей одной из самых популярных: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»

В день отъезда с утра шёл мелкий осенний дождь. Молодые военврачи изрядно вымокли, ожидая, когда подадут состав.

– А ведь дождь к удаче, – сказал Михаил. – Значит, все вернёмся в Москву и вернёмся с победой!

– Обязательно вернёмся, – поддержал его Виктор Гусев и воскликнул: – А вот и поезд!

И снова дорога, снова перестук колёс, неумолимо отсчитывающих километры. За окошком вагона проплыли окраины Москвы, потянулись дачные посёлки, затем открылись поля, леса и перелески в осеннем убранстве, мелькали небольшие деревушки.

Состав шёл медленно, пропуская вперёд эшелоны с ранеными. Со скоростью курьерских поездов мчались на восток составы с оборудованием фабрик и заводов. Навстречу шли почти непрерывным потоком эшелоны с танками, артиллерией, войсками.

А дождь всё лил и лил как из ведра. Он безжалостно хлестал по стеклу, он заливал поля, где работали женщины, подростки, пожилые крестьяне, заканчивая уборку картофеля, капусты, других овощей, особенно теперь ценных и для фронта, и для огромного города, который уже начал готовиться к обороне.

– Гляди-ка, Миша, мужчин-то в поле совсем нет, – сказал Виктор Гусев. – Трудно, ой как трудно сейчас в тылу. В колхозах-то, небось, одни женщины и остались.

Ночь прошла в дороге. Поезд часто стоял на полустанках, подолгу задерживался на крупных станциях.

В Ульяновск прибыли погожим осенним днём.

Гулякин зашёл к коменданту вокзала, спросил, как добраться до штаба округа. Тот тщательно проверил документы, выяснил, в какой управление следует группа и пояснил, что идти надо в одну из ближайших школ. Там принимают прибывающих на укомплектование офицеров-медиков.

Транспорта не было, но и пешком можно было добраться. Комендант сказал, что нужное им здание школы недалеко находится.

Из бюро пропусков Гулякин позвонил начальнику санитарного отдела округа. Приёма ждали недолго. Военврач 1 ранга Хмелёв попросил всех зайти в классную комнату на втором этаже. Поздоровался, поздравил с окончанием военного факультета и начал без предисловий:

– В городе развёрнуто много госпиталей. Все заполнены ранеными, но прибывают всё новые и новые партии. Приказано развернуть ещё несколько лечебно-эвакуационных учре-

ждений, а медперсонала у нас для этого не хватает. Если в вашей группе есть желающие, могу направить в любой госпиталь. Завтра же приступить к самостоятельной и ответственной работе. Завтра же будете оперировать! Ну, слушаю ваши соображения по этому поводу.

– Разрешите мне? – попросил Гулякин.

– Да, да, пожалуйста. Слушаю вас.

– Товарищ военврач первого ранга. Думаю, не ошибусь, если скажу от имени всех. Нас готовили для Военно-Воздушных Сил. Но в Москве принято решение направить в Воздушно-десантные войска. Врачей для этого отбирали специально. Почти все в нашей группе занимались в аэроклубе, почти у всех по несколько прыжков с парашютом. Так что наше место в воздушно-десантных войсках и просим вас отправить в части и соединения корпуса.

Хмелёв повертел в руках предписание, несколько раздражённо спросил:

– Другие мнения есть? – и, не услышав других мнений, продолжил: – Вы, вероятно, считаете, что главное место военного врача сейчас у самой линии фронта, а здесь, в тылу, всё легко и просто. Почти что курорт? Это далеко не так. Здесь у врачей колоссальная нагрузка. Хирурги падают с ног, не отходят часами от операционных столов. А где приходится работать? Вы привыкли к институтской клинике. А здесь мы создаём лечебные учреждения в самых непригодных для этого зданиях: в школах, институтах, общежитиях... Вы даже представить себе не можете, насколько сложно в кратчайшие сроки приспособить эти здания под госпитали, оборудовать в них операционные, перевязочные, физиотерапевтические и рентгеновские кабинеты, санпропускники, пищеблоки – словом, всё самое необходимое для лечения раненых.

Все молчали. Да, собственно каждый понимал, что в тылу не сладко, что здесь у медиков тяжелейшая, изнурительная работа. Правда, не рвутся снаряды и не падают бомбы. Нет постоянного риска для жизни, как на передовой. Молодым военврачам уже было известно, что фашисты бомбят и обстреливают из орудий медсанбаты, что для вражеских бомбардировщиков излюбленными целями являются санитарные поезда. Быть может, именно поэтому никто из группы Гулякина не хотел оставаться здесь. Ведь на фронте в жестоких боях погибали их сверстники, а теперь уже, наверное, находились под бомбами и те выпускники военного факультета, которые были направлены в стрелковые, танковые, артиллерийские части и соединения.

Военврач 1 ранга Хмелёв всё же сказал ещё несколько слов, вряд ли уже рассчитывая кого-либо убедить остаться в Куйбышеве:

– Создание госпиталей – дело огромной государственной важности. Советские и партийные органы делают всё, чтобы выполнить эту задачу в кратчайшие сроки. Я вам не предлагаю лёгкой работы...

Гулякин сообразил, что, видимо, не в компетенции Хмелёва было оставить кого-либо в тыловом госпитале силой приказа. Видимо, ему было почему-то необходимо, чтобы кто-то из военврачей попросил об этом сам. А сообразив, стал настаивать на своём:

– Мы направлены в Воздушно-десантные войска и хотим немедленно отправиться к месту службы.

Хмелёв махнул рукой и уже, сменив тон, сказал:

– Не смею вас задерживать. Желание ваше не только законно, но и похвально. Сам в действующую прошусь, – признался он. – Но ведь кому-то и здесь работать надо. Что ж, удачи вам. Документы оформим сегодня же и распределим вас по частям и соединениям корпуса.

Старый пароход, глухо шлёпая по воде огромными колёсами, медленно подошёл к пристани. Всей группе были предоставлены места в каютах. Но погода выдалась солнечная, и молодые военные врачи не уходили с палубы, любясь живописными волжскими утёсами, косого-

рами и широкими песчаными косами, врезающимися в русло, бархатными берегами, вдоль которых стлался по воде разноцветный лиственный ковёр.

В прозрачной воде, отражались редкие облака и косяки перелётных птиц. Природа жила своей, независимой от войны жизнью. Здесь, на просторах великой русской реки, с трудом верилось, что где-то идут жестокие бои, гибнут люди, что над Отечеством нависла смертельная опасность.

В штабе 1-го воздушно-десантного корпуса военврачей распределили по соединениям и частям. Группа распалась. Распрощавшись с товарищами, Гулякин отправился в 1-ю воздушно-десантную бригаду, в которую получил назначение.

1-й воздушно-десантный корпус был сформирован 2 июля 1941 года, уже принял участие в жесточайших боях и был выведен на доукомплектование. Нужно было довести численность его до полного штата, а это 10 000 человек. Причём, направлялись в корпус в основном добровольцы по комсомольским путёвкам ЦК ВЛКСМ. В составе корпуса были три воздушно-десантные бригады, танковый батальон, артиллерийский дивизион, а также подразделения и части обеспечения. Военно-транспортная авиация в состав корпуса не входила, а придавалась ему на время проведения воздушно-десантной операции. На вооружении соединения было обычное стрелковое вооружение – ручные и станковые пулемёты, ну и, конечно, автоматы – с трёхлинейками-то десантироваться трудно. Миномёты были 50-мм и 82-мм. Артиллерия представлена 45-мм противотанковыми и 76-мм горными пушками. Ну и кроме того на вооружении состояли огнемёты.

В отдельном танковом батальоне было 50 танков Т-40 и Т-38.

В начале войны воздушно-десантные части и соединения использовались в основном, как стрелковые, поскольку и опыта у командования в проведении операций оказалось недостаточно, да и нечем было десантировать. Огромное количество самолётов, во многом по причине предательства генерала Павлова, враг уничтожил в первый же день войны на аэродромах.

Вот в такой корпус и прибыли Гулякин и его товарищи.

В 1-й воздушно-десантной бригаде Гулякина принял начальник медицинской службы бригады военврач 2 ранга Кириченко.

– Рад пополнению! – воскликнул он, поднимаясь навстречу из-за небольшого письменного стола, заваленного бумагами. – А то у нас совсем плохо с медициной. Вы назначены начальником медицинской службы второго отдельного воздушно-десантного батальона. Коротко введу в обстановку. Вы уже, вероятно, знаете, что корпус находится на доукомплектовании после тяжёлых потерь, понесённых в первые недели войны.

– Знаю, – ответил Гулякин. – И как долго мы будем в тылу?

– Рвётесь на фронт? Понимаю. Только ведь на подготовку десантников времени нужно побольше, чем на подготовку красноармейца стрелкового подразделения. Да и на обучение медицинских кадров, между прочим, тоже. Ведь вы пока на медицинском пункте батальона – в единственном числе. Сами будете подбирать себе помощников из пополнения.

– Расскажите, пожалуйста, о корпусе, – попросил Гулякин.

Кириченко посмотрел на часы, кивнул:

– Хорошо, несколько минут у меня есть.

Он подошёл к висевшей на стене карте европейской части Советского Союза с обозначенной флажками линией фронта. Взял указку и начал рассказ:

– Корпус участвовал в боях сначала на западном направлении. Выбрасывал небольшие группы десантников в тыл врага, сражался бок о бок со стрелковыми соединениями. С двадцать восьмого августа находился в резерве фронта, но недолго. Обстановка осложнилась, и в начале сентября корпус ввели в бой в составе пятой армии, которая оборонялась на южном берегу Десны. И заметьте, – сделал акцент Кириченко, – все эти месяцы корпус воевал без

пополнения, постоянно находясь в самом пекле. Ведь сражаться приходилось с численно превосходящим врагом. В середине сентября в ожесточённых боях корпус понёс серьёзные потери. После этого его было решено вывести на доукомплектование.

– Пополнение уже прибыло? – поинтересовался Гулякин.

– Начинает поступать. Замечательных ребят присылают. Почти все комсомолцы – из Москвы, Горького, Иванова, Владимира... Сроки поставлены жёсткие. Через три месяца мы должны быть готовы вступить в бой. За это время предстоит сформировать части и подразделения, вооружить и подготовить тысячи парашютистов. А учебных баз, как, впрочем, и медицинской базы, нет. Всё нужно начинать с нуля. Правда, командный состав надёжный – почти все уже побывали в боях.

– Спасибо за информацию, – сказал Гулякин. – Теперь имею представление о том, куда назначен. Разрешите приступить к выполнению служебных обязанностей?

– Да, конечно. И начните с представления командиру батальона. Он тоже новичок в Воздушно-десантных войсках. Комбат, старший лейтенант Жихарев, назначен к нам из военкомата, где служил до сих пор, и бомбил командование рапортами с просьбой отправить на фронт. Уже успел проявить себя, как хороший организатор, волевой, требовательный командир. Словом, познакомьтесь и с ним, и с теми, кто уже прибыл в батальон, ну и начинайте осваивать нашу десантную науку. Батальон в стадии комплектования.

– Разрешите идти? – спросил Гулякин.

– Да, да, Михаил, идите, – разрешил Кириченко, назвав Гулякина по имени, чтобы несколько снизить накал официоза – всё же медицина есть медицина. Дисциплина необходима, но и большая доверительность, большее взаимное расположение начальников и подчинённых не помеха.

Гулякин уже повернулся и открыл дверь, когда Кириченко остановил его и сказал как бы в напутствие:

– Помните, что старший лейтенант Жихарев хоть и младше вас по воинскому званию, но – командир. Он ваш непосредственный начальник.

– Конечно, конечно, – улыбнулся Михаил и вышел из кабинета.

Вот такие случались метаморфозы. Михаил Гулякин в армии без году неделя, ведь пришёл он на военный факультет совсем недавно, а уже имеет воинское звание военврач 3 ранга, что приравнивается к майорскому званию. В двадцатые – тридцатые годы прошло немало реформ в системе воинских должностей и званий. Завершились они окончательно уже во время войны, в начале 1943 года, когда были возвращены погоны и упорядочены воинские звания офицеров. До этого времени офицеров в Красной Армии не было – были красноармейцы и командиры.

2-й отдельный воздушно-десантный батальон размещался в нескольких домиках. Гулякин нашёл Жихарева в штабе – комнатке, в которой едва приютился стол со стульями, а большая её часть была завалена разным военным имуществом. На стенах висели таблицы и схемы.

Гулякин доложил чётко, по уставу. Жихарев вышел из-за стола, шагнул навстречу, крепко пожал руку. Спросил имя и отчество. Не хотел, очевидно, называть Гулякина по воинскому званию.

– Хорошо, что прибыли, Михаил Филиппович. Дел для медицины много. Личный состав уже поступает. Нужно каждого бойца осмотреть. Определить, годен ли? Мало ли что там могут написать. Люди рвутся в десантники, могут и скрыть недуги. А нам нужны здоровые ребята. Но и это не всё. Попрошу вас помочь с размещением, проверить, соответствуют ли наши, с позволения сказать, казармы, санитарным нормам. Всё хозяйство – несколько домиков, а народу будет много... Штатное расписание знаете?

– Знаю, – кивнул Гулякин.

– А сейчас извините, – сказал Жихарев, мельком взглянув на часы, – тороплюсь на совещание в штаб бригады. Подробнее поговорим позже. Осмотритесь пока.

Михаил обошёл расположение батальона. Домики оказались чистенькими и тёплыми, однако места в них для размещения батальона, численность которого составляла по штатному расписанию около пятисот человек, явно было мало.

«Придётся ставить палатки, – отметил Гулякин. – и придётся в них жить, и поздней осенью, и зимой... Три месяца... Это ж получается, до нового года».

Он прошёл дальше и увидел, что работа по установке палаток идёт полным ходом. Красноармейцы сколачивали нары, расчищали территорию, оборудовали пищеблок. Всё это нужно было теперь тщательно контролировать.

А с утра следующего дня он начал тщательный медицинский осмотр всех прибывших в батальон. К счастью, направляли в Воздушно-десантные войска действительно здоровых и крепких парней.

Постепенно комплектовался и батальонный медицинский пункт. Сначала прибыл фельдшер Василий Мялковский. Его назначили фельдшером медицинского пункта батальона.

Разбирая учётные карточки красноармейцев, Гулякин наткнулся на документы Виктора Тараканова. В карточке значилось, что до призыва он был ветеринарным фельдшером.

«Ну что ж, – решил Михаил, – санитарным инструктором назначить можно. Подучим немного, и дела пойдут».

Труднее было с санитарями. Людей с медицинским образованием не нашли. Выбрали двух красноармейцев – Дурова и Мельникова. Их предстояло учить с азов.

Батальон сформировали быстро, и вскоре начались занятия. Целыми днями подразделения проводили в поле, на стрельбище, прыгали с парашютной вышки.

Не забывало командование и о военных медиках. В один из дней боевой учёбы Кириченко собрал военных медиков батальонного звена на совещание. Когда все разместились в его тесном кабинете, заговорил о главном – о подготовке к предстоящим боям.

– Перед нами, товарищи, задача особой важности: предстоит не только провести занятия с личными составом медицинских пунктов и санинструкторами рот, но и научить каждого десантника оказывать первую помощь на поле боя и себе, и товарищам.

Кириченко напомнил, что судьба раненого во многом зависит от быстроты и качества наложения первой повязки.

– Ротные санитары должны неотлучно находиться на поле боя, быстро оказывать помощь раненым, эвакуировать их в безопасные места, – говорил он. – Но всё это хорошо при действиях в обычных условиях, а как организовать медицинскую помощь в бою, когда подразделения будут делиться на небольшие группы, атаковать противника с разных направлений? Кто наложит первую повязку, назначение которой, как вы знаете, предупредить потерю крови и загрязнение раны, уменьшить боль? Если упустить время, у раненого может начаться болевой шок. Вот потому то и важно, очень важно научить каждого красноармейца приёмам самопомощи и взаимопомощи.

Быть может, впервые именно на этом совещании Гулякин по-настоящему осознал, какая работа ему предстоит, ведь он здесь – один-единственный врач на сотни человек. Именно он, только он один в ответе за всех раненых, к тому же в тылу врага. Их не эвакуируешь в медсанбат, не отправишь в госпиталь, ведь вокруг территория, занятая противником, да к тому же прифронтовая полоса, напичканная войсками.

Прежде всего, Гулякин решил наладить учёбу своих непосредственных подчинённых. На следующий день после совещания он провёл первое занятие. Выбрал для него небольшой садик, прилегающий к дому, в котором разместился батальонный медпункт. Начал с разъяснения важности оказания медицинской помощи на поле боя. Повторил многое из того, о чём

говорил Кириченко, добавил и от себя кое-что – не зря же окончил военный факультет. Уж чего-чего, а теоретических знаний ему хватало.

Слушали, поначалу скучая. Тогда Гулякин стал задавать вопросы.

– Назовите-ка наиболее опасные осложнения раны на поле боя, – попросил он Мялковского.

– Сильное кровотечение, – твёрдо ответил тот и пояснил: – К нему приводит повреждение кровеносных сосудов. Может образоваться болевой шок. Это в случае обширных ранений мягких тканей, а также перелома длинных трубчатых костей.

– И всё? – переспросил Гулякин.

Мялковский наморщил лоб, но ничего больше добавить не мог.

– Ну а в более поздние сроки? – помог ему Гулякин вопросом.

– Может развиваться инфекция. Наиболее опасна анаэробная, – довольно уверенно продолжил фельдшер. – Это газовая гангрена, столбняк...

– По канонам военно-полевой хирургии, товарищи, – дополнил Гулякин. – каждая рана считается первично инфицированной. Об этом надо всегда помнить. А теперь такой вопрос: что нужно сделать при оказании первой помощи?

– Разрешите продолжить ответ? – спросил Мялковский.

– Да, да, конечно, продолжайте.

Мялковский заговорил чётко, даже излишни по-книжному, показывая, что этот материал он знает твёрдо.

– Остановить кровотечение из повреждённых крупных сосудов, защитить рану от дальнейшего попадания инфекции, предупредить возникновение болевого шока. В случае перелома длинных трубчатых костей и обширных ран мягких тканей произвести иммобилизацию...

«Знания есть и неплохие, – отметил Гулякин. – Но сможет ли фельдшер применить их практически на поле боя, под огнём врага?»

Несколько хуже, но в целом верно отвечал Тараканов. Гулякин попросил его рассказать о способах остановки кровотечения. Тараканов правильно назвал все места, где необходимо прижать лучевую, сонную или подключичную артерии, чтобы остановить кровотечение.

Красноармейцев Дурова и Мельникова Гулякин не спрашивал совсем, поскольку их нужно было сначала выучить.

После разбора теоретических вопросов, Гулякин объявил перерыв. Обратил внимание, что его подчинённые живо обсуждают первое занятие.

Пора было переходить к практике...

После перерыва Гулякин начал практические занятия.

Дал первую вводную:

– Вы, красноармеец Дуров, при десантировании получили травму. Чувствуете боль в бедре. Встать на ногу не можете. Ваши действия? Ложитесь, ложитесь на землю, Дуров. Да, да, вот так. Стоять вы не можете. Ну, я жду...

– Зову врача, – сказал Дуров.

Гулякин усмехнулся:

– Врача? Вы забыли, что врач всего один на сотни человек?

– Ну, санитар хотя бы...

– Хорошо. Хорошо, вот прибыл к вам санитар красноармеец Мельников. Подходите, подходите, не стесняйтесь, санитар. Что дальше? Действуйте, Мельников...

Мельников подошёл к Дурову, и в растерянности остановился возле него. Потом сказал неуверенно:

– Отнесу его в медпункт батальона.

– Ну, так несите, – велел Гулякин, но когда Мельников наклонился над Дуровым, остановил его, словами: – Прежде всего, вы на месте должны оказать помощь.

– Но я же не умею...

– Вот именно. Это я и хотел дать вам понять. А то стоите и не слушаете, о чём вам рассказываю.

– Извините, – покраснел Мельников. – Просто не подумал, что это может пригодиться.

– Красноармеец Мялковский, покажите всё, что нужно сделать, – приказал Гулякин.

– У пострадавшего перелом, – уверенно начал Мялковский. – Ввожу под кожу обезболивающее средство. Накладываю шину Дитерихса или стандартную проволочную лестничную шину. Затем... Затем докладываю начальнику батальонного медпункта, что нужно госпитализировать пострадавшего.

Трудно, очень трудно доходило до сознания каждого, что за спиной не будет никаких лечебных учреждений, что раненые, даже крайне тяжёлые, останутся на попечении личного состава батальонного медицинского пункта.

– Я просил вас не рассказать, а показать, что нужно делать, – напомнил Гулякин. – Вот здесь, на столах, – указал он, – разложены необходимые средства для оказания первой помощи. В бою они будут при вас, в ваших санитарных сумках. Действуйте.

Взяв лестничную шину, Мялковский быстро и аккуратно наложил её. Гулякин заметил, с каким вниманием следил за действиями фельдшера красноармеец Мельников.

Когда Мялковский завершил работу, сказал:

– И ещё вот на что хочу обратить внимание. Вы забываете, в каких войсках служите. Никаких медсанбатов, а тем более госпиталей поблизости не будет. В нашем распоряжении только батальонный медицинский пункт, который должен быть подвижен и хорошо замаскирован. От того, как мы организуем его работу, будут зависеть жизни раненых.

– А где же разместить батальонный медицинский пункт, если вокруг противник? – спросил красноармеец Тараканов.

Гулякин ответил не сразу. Он прикинул:

«Действительно, где? Ведь медпункт – это я и мои помощники. Никакого стационарного оборудования за линию фронта мы, конечно, взять не сможем. Только самые необходимые медикаменты».

– Медпункт будет размещаться за боевыми порядками батальона в наиболее безопасном месте. Ну а место это мы будем выбирать в соответствии с указаниями начальника штаба батальона.

Второй час занятий Гулякин целиком посвятил действиям по различным вводным. Убедился, что с решением вводных, дело обстоит плохо. Хотя фельдшер и санинструктор получили полное среднее образование, практических навыков работы в полевых условиях не имели.

Пришлось учить подчинённых скрытно подбираться к раненому, переносить его в укрытие, оказывать первую помощь, эвакуировать в батальонный медпункт, используя подручные средства.

Подобные занятия Гулякин стал проводить каждый день. Немного теории, затем решения вводных в спокойном режиме, а затем – действия, как в бою. Без проволочек, быстро. Нужно было помочь личному составу овладеть навыками оказания первой помощи на поле боя, а затем эти навыки довести до автоматизма. Теория, затем практические действия в медленном темпе, с разбором ошибок и, наконец, тренировка в решении вводных уже на время.

Постепенно дела пошли на лад. Занятия со штатными и нештатными санитарями рот Гулякин поручил Мялковскому. С личным составом медпункта занимался сам, а вот с обучением личного состава батальона дела не клеились. Программой на них отводилось всего два-три часа.

Гулякин отправился к комбату. Попросил дополнительные часы занятий.

– Михаил Филиппович, дорогой, где же я тебе время возьму? – развёл руками старший лейтенант Жихарев. – У нас программа не просто насыщена. Я бы сказал – перенасыщена. Сам знаешь, как трудно за такой короткий срок подготовить воина-десантника. Ведь мы должны обучить не только тактике ведения боя, но и прыжкам с парашютом.

– Всё это верно, – согласился Гулякин. – Но обучив бойцов и командиров приёмам и способам оказания помощи на поле боя, мы сохраним жизни очень многим раненым. Ведь понятно же, что бой без жертв не бывает, понятно, что и раненых может быть немало.

– И я тебя понимаю, и ты меня понимаешь, – усмехнулся Жихарев. – И оба мы правы. Но как же быть?

– Нужно вместе подумать, и как-то найти возможность...

– Хорошо! – Жихарев сел за стол, положил перед собой план боевой подготовки, предложил: – А что если использовать некоторые занятия, ну, скажем, прыжки с вышки? Ведь что получается? Пока один взвод десантников прыгает, другой готовится к прыжкам, то с третьим вполне можно организовать занятия.

Он помолчал, ещё что-то прикинул и подытожил:

– Предположим, взвод закончил прыжки и отдыхает. Почему бы не поговорить с личным составом во время отдыха. Каждому будет понятен такой разговор.

– Отличная мысль – обрадовался Гулякин. – Вот на таких занятиях – теория. Ну а в часы, отведённые нам по плану, уже практические тренировки.

На следующий день Гулякин собрал освободившихся после прыжков бойцов. Стал рассказывать им, как накладывается повязка, останавливается кровотечение. Десантники молча стояли в строю, слушали с интересом, но когда он задал им несколько контрольных вопросов, выяснилось, что никто ничего не усвоил.

Почему? Да просто не принимали всерьёз медицинскую подготовку. Так уж устроен человек: всегда надеется на лучшее – мол, меня пронесёт, меня не ранит.

Возникла новая проблема: как заинтересовать, заставить их понять, насколько важно усвоить основы военно-медицинской подготовки.

Своими раздумьями Гулякин поделился с комиссаром батальона старшим политруком Николаем Ивановичем Коробочкиным. Попросил его при проведении политических занятий попытаться убедить людей, насколько важны навыки в оказании первой помощи и самопомощи в бою.

– Попробую помочь вам, – пообещал комиссар. – А вы продолжайте занятия. Только постарайтесь проводить их живее. Думайте, чем заинтересовать десантников.

«Так чем же, чем? – размышлял Гулякин. – А приведу-ка я примеры из опыта боёв на озере Хасан и на реке Халхин-Гол. Нам ведь столько об этом рассказывали на военфаке».

Следующее занятие прошло гораздо лучше. Десантники с интересом слушали рассказы. Их не могли оставить равнодушными приведённые примеры. Особенно заинтересовали приведённые Гулякиным цифры и факты, показывающие, насколько зависит успех лечения раненого от быстроты и правильности оказания ему первой помощи на поле боя. Сами стали интересоваться, как правильно наложить повязку, как использовать индивидуальный перевязочный пакет.

И всё-таки, как оказалось, обучение личного состава – не самое сложное в деятельности начальника медицинской службы батальона. Ведь во всех случаях жизни и в любой обстановке врач, прежде всего, остаётся врачом, а следовательно, его обязанность – лечение людей.

Распорядком дня на амбулаторный приём больных было отведено два часа. Медицинский пункт батальона начал работать уже через пару дней после прибытия Гулякина в батальон. Его готовность к работе приезжал проверять начальник медицинской службы бригады военврач 2 ранга Кириченко. Побывали в нём и Жихарев с Коробочкиным.

Жихарев принёс только что отпечатанный распорядок дня и вручил его Гулякину.

– Вот, изучайте. Надо добиться того, чтобы больные, кроме, конечно, экстренных случаев, обращались к вам строго в отведённые часы. Времени-то хватит?

Гулякин взял из рук комбата листок с распорядком дня, внимательно прочитал и твёрдо сказал:

– Двух часов, конечно, вполне достаточно. Народ у нас здоровый. Вряд ли загрузят работой.

– Тем не менее, вы должны быть готовы. Порядок у нас следующий, – пояснил Жихарев, – На утреннем осмотре дежурные по ротам заносят в специальную книгу записей больных всех, кто нуждается в медицинской помощи, а за пятнадцать минут до назначенного времени отправляют их к вам на приём под командой санинструкторов рот.

– Хорошо. Мы готовы начать приём.

Но в первые дни в медпункте никто не появлялся.

И вдруг...

Это случилось сразу после окончания тактических учений, во время которых роты совершили длительный марш, а затем действовали в сложной обстановке.

В тот день Гулякин, устроившись в своём небольшом кабинете, просматривал записи, которые сделал во время учений. Готовился на ближайшем занятии провести краткий разбор действий личного состава батальонного медицинского пункта, санинструкторов рот и санитаров. Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился фельдшер Василий Мялковский.

– Товарищ военврач третьего ранга, – возбуждённого заговорил он. – Вы только взгляните, почти весь батальон к вам пожаловал.

– Батальон? Зачем? – спросил Гулякин и с удивлением посмотрел на подчинённого.

Мялковский шагнул к окну и отдернул штору. Он, конечно, несколько преувеличил – нет, не батальон пожаловал в медпункт, но, по крайней мере, пятая часть личного состава ожидала приёма врача.

– Откуда же столько? – проговорил Гулякин, и в голосе его прозвучали нотки растерянности.

«Как же я успею осмотреть всех за два часа? – с беспокойством подумал он. – Как сумею поставить диагноз каждому?»

Сразу возник вопрос: с чего начать работу. Вызывать, как это делается обычно на амбулаторных приёмах, каждого поочерёдно и осматривать здесь, в кабинете? Но так и до утра не управиться. А приём надо завершить через два часа. Через два часа все десантники должны возвратиться в свои подразделения. Кому предстоит в наряд заступать, а кто будет назначен на хозяйственные работы. Кто начнёт подготовку к ночным занятиям или стрельбам.

Решение надо было принимать быстро.

Вспомнил, что по этому поводу говорилось на лекциях в институте, как строились практические занятия.

На военном факультете, конечно, многие вопросы отрабатывались тщательно и подробно прежде всего на лекциях и семинарах, ну а затем практически в поле. Во время лагерного сбора подо Ржевом слушатели стажировались в лазарете авиационного соединения, участвовали и в амбулаторных приёмах. Но тогда ведь, летом, больных было совсем мало. Они приходили в лазарет или в медпункт в назначенное время. Сначала ими занимались фельдшер или санинструктор – записывали жалобы, ставили градусники. И только после этого больные по очереди заходили в кабинет врача. Врач вёл приём внимательно, не торопясь осматривал больного. Пятнадцать, а то и двадцать минут уходило на каждого больного. Теперь всё это оказалось непозволительной роскошью.

Пишу эти строки и думаю, мог ли себе представить молодой военврач 3 ранга Михаил Гулякин в ту суровую осень сорок первого, или даже нет – мог ли себе представить полковник медицинской службы Михаил Филиппович Гулякин осенью 1981 года, когда готовилось

самое первое издание книги о нём, и мы подолгу беседовали, и о службе его, и о жизни, и о медицине вообще, что в стране настанут такие времена, когда вот эти самые, упомянутые 15-20 минут на приём больного станут непозволительной роскошью, хотя на календаре будет не время военное, и даже не время старательно оболганного социализма, а, как о ней трубят вовсе труды, эпоха справедливейшей демократии. Увы, они наступили, и терапевтам в поликлиниках выделяется на приём больного всего 12 минут. Мало того, за эти двенадцать минут врач должен не только внимательно осмотреть больного, поговорить с ним, выявить жалобы, поставить диагноз, но потом ещё всё это записать в один журнал, затем перенести на специальный листок-бланк, с которого набрать в компьютере. За эти же 12 минут при необходимости нужно оформить ВТЭК, выписать больничный, бюллетень или рецепты. Причём самые необходимые записи – врачи сами засекали время для проверки – занимают гораздо более 12 минут. Даже если совсем не осматривать больного, а только записывать всё необходимое для отчёта, времени не хватит. Где же его взять? Начальству виднее. Можно, к примеру, на пару часов после работы задержаться, а если и этого не хватит, то отчего бы дома не поработать этак до полуночи и более. На войне, как на войне... только война другая. Война медицинских руководителей разных степеней с врачами, война успешная, ибо потери среди врачей, правда, конечно, выраженные просто в увольнении со службы, а не гибели, значительно превышают потери военные. Но в отличие от фронтовых, они не пополняются – никому это не надо. Не бывало такого положения, чтобы, к примеру, в медсанбате оставалось менее половины людей, положенных по штату. Медицинские подразделения постоянно пополнялись, ну а командование с особой заботой, с особым трепетом относилось к военным медикам. Может быть дело в том, что на войне каждый командир мог оказаться в руках военного врача своего соединения, а ныне те, кто командуют, лечатся отнюдь не у тех, кем столь рьяно командуют? Думаю, что дело в ином – в ответственности тех, кто был на руководящих должностях во время войны, от тех, кто прорвался во всякие властно-сластные структуры во времена победившей демократии.

Но вернёмся в суровый сорок первый, вернёмся в тот день и час, когда молодой военврач оказался в весьма затруднительном положении.

– Все наши готовы к работе? – спросил военврач 3 ранга Гулякин у фельдшера Мялковского.

– Так точно, готовы все.

– Хорошо, тогда берите Дурова и за мной.

– Куда? – удивился Мялковский.

– К больным. Наша приёмная и десятую их часть не вместит. Займёмся ими прямо на улице.

Гулякин встал из-за стола и направился к двери, продолжая размышлять над тем, что же всё-таки произошло, и почему возник такой наплыв больных: «Эпидемии нет... Но не могут же тогда вот так все сразу взять да заболеть. Скорее всего, устали за первые дни занятий, а тут ещё тяжелейшие учения. Нелегко привыкнуть к столь напряжённой службе, особенно тем, кто только что призван. Потому и пришли за освобождением? Не филоны – многие искренне считают, что заболели. Слабость, боль в мышцах, переутомление и недосыпание...»

Больные обступили домик, в котором помещался медпункт, со всех сторон.

– Здесь есть старшие? – строго спросил Гулякин.

Отозвались санинструкторы рот.

– Хорошо, – с улыбкой сказал Гулякин, – командование, можно сказать, на месте. Но тогда почему такой беспорядок? Немедленно постройте всех больных поротно в две шеренги.

Быстро образовался строй, вытянувшийся на несколько десятков метров.

– Вот это силища! – воскликнул Гулякин. – Да ведь с вами можно смело идти на захват крупного объекта в тылу врага.

Некоторые десантники потупились, покраснели. Старались не смотреть на Гулякина и Мялковского.

– Ну что же, – продолжил Гулякин уже серьёзно, – вы правильно сделали, что, почувствовав недомогание, пришли в медпункт. Как вам известно, в уставе сказано, что военнослужащий не должен скрывать своей болезни и обязан, доложив непосредственному начальнику, немедленно обратиться за помощью в медпункт. Это уже дело нас, медиков, определить, кто действительно болен, – пояснял он, – а кто чувствует недомогание из-за переутомления. А теперь попрошу тех, у кого жар или озноб, сильная головная боль, кашель сделать три шага вперёд.

Строй заколебался. Вперёд неуверенно вышли человек двадцать.

– Мялковский, отведите эту группу в приёмную. Всем измерить температуру. Ждать меня, – распорядился Гулякин. – Теперь займусь остальными, – сказал он, когда первая группа удалилась в медпункт. – Попрошу выйти из строя тех, кто жалуется на боли в животе, на расстройство желудка.

Ждал с беспокойством, но строй не шевельнулся. Сразу отлегло от сердца – желудочно-кишечных заболеваний не было.

У основной массы болели ноги. Расспросил нескольких человек о характере этих болей, велел показать, где именно болит. Затем пояснил, что ничего удивительного нет. Требуется определённое время для того, чтобы организм привык к большим нагрузкам, адаптировался.

Многие десантники стали проситься в свои подразделения. Уходя, они подшучивали над оставшимися товарищами, рекомендовали им придумать какие-то замысловатые жалобы, иначе врач быстро раскусит их попытки увильнуть от занятий и работ.

Гулякина радовало то, что настроение у его пациентов хорошее.

Всех, кто остался в строю, он внимательно выслушал, дал советы, как вести себя, чтобы избежать простудных заболеваний, посоветовал закалять организм.

Наконец, в строю остались лишь больные с потертостями ног и сильным растяжением связок.

– Подождите, – сказал им Гулякин, – Фельдшер примет вас и каждому окажет помощь. В приёмной встретил Мялковский.

– Как тут у вас дела? – спросил Гулякин.

– Высокая температура только у троих, – доложил фельдшер. – У большинства тридцать семь ноль – тридцать семь две. Пятеро ушли. У них нормальная температура.

– Зря отпустили, – покачал головой Гулякин, – надо было их тоже осмотреть. Верните. Если есть головная боль, можно ждать простудных заболеваний. Ну а температура поднимется, коли мер не принять.

Он прошёл в кабинет и сказал Мялковскому:

– Начнём с тех, у кого высокая температура. Прошу ко мне по очереди.

В течение двух часов Гулякин осмотрел всех до единого. Нескольких десантников уложил в лазарет, тем, кто нуждался в освобождении от нагрузок, записал в книгу рекомендации на частичное или полное освобождение от занятий. В армии такой порядок. Врач не освобождает, врач пишет рекомендацию, а освобождает только командир.

– Ну и денёк выдался, – сказал Мялковский, когда медпункт опустел, – думал в срок не управимся. Быстренько вы их разогнали.

– Вы не правы, – возразил Гулякин. – Я не разгонял больных. Почти каждому успел задать вопросы, понять, что случилось и пояснить, чем вызвано то или иное недомогание. Мы, медики, обязаны верить всем, кто к нам обращается, и внимательно подходить к тому, с чем к нам идут люди. Может показаться иногда, что человек здоров и просто хочет выпросить освобождение, а на самом деле он болен, просто внешне эта болезнь никак не проявляется и обнаружить её не так просто.

– Извините, это я так, – смутился Мялковский. – Видел, как вы серьёзно с каждым разбирались. Кстати, одного из тех, кого я отпустил, а потом вернул в медпункт, вы положили в лазарет.

– У него ангина. А температура?! Вероятно, она к вечеру подскочит, да ещё как! Каждый организм имеет свои особенности. Вы должны знать, что болезнь легче переносится, когда температура высокая.

«Шахматисты, как вам не стыдно...»

Между тем, уже стемнело. Гулякин проинструктировал Дурова, который заступил дежурным по медпункту, и отправился отдыхать.

Дневные дела и заботы остались позади. В такие минуты охватывала тревога за судьбы родных и близких. Сводки Совинформбюро были всё тревожнее. Гитлеровцы вступили в Орловскую область, достигли родных мест.

В первые же дни своего пребывания в корпусе Михаил послал матери письмо и телеграмму. Звал приехать сюда, в эвакуацию, чтобы не оказаться в оккупации: «...Мамочка, забери Толика, Сашу и Аню и немедленно выезжай с ними ко мне. Я вас здесь устрою на квартиру».

Своих младших братьев он до сих пор считал детьми, а между тем Александр уже собирался в артиллерийское училище, рвался на фронт и Анатолий.

Ответа от матери не было.

«Может быть, они уже в пути, – с надеждой думал Михаил. – Нелегко ведь сейчас сюда добраться. Поезда переполнены».

Каждый день город принимал сотни эвакуируемых. До определения на квартиры все они, в основном женщины с детьми, девушки, пожилые люди оседали в городской гостинице. Возвращаясь со службы, Михаил просматривал списки вновь прибывших, в надежде встретить имена своих родных, хотя понимал, если бы приехали, наверняка отыскали его в части.

Гостиница была переполнена. Казалось, людям ни до чего. Но жизнь брала своё. Даже в тяжёлой обстановке люди остаются людьми, и ничто человеческое им не чуждо.

Вечером жильцы собирались в вестибюле. Кто-то садился за рояль. Другой музыки не было, но молодежь с удовольствием танцевала и под рояль. Главное, что пианисты находились совсем даже неплохие.

Но Гулякин предпочитал посидеть за шахматами.

Вот и в тот вечер он, встретив инструктора политотдела бригады Николая Ляшко, пригласил его к столику. Спать ещё не хотелось. Не хотелось и оставаться наедине со своими тревожными мыслями.

– Давай, Николай, хоть одну-две партии? – говорил он.

– Отчего ж не сыграть? С удовольствием.

Устроились в сторонке за небольшим столиком, расставили фигуры на доске. Михаил сделал первый ход, и тут же заиграл рояль. Звуки вальса заполнили вестибюль. Появилось несколько танцующих пар. Женщины танцевали друг с другом. Мужчин было мало. В гостинице жили в основном командиры подразделений и штабные работники бригады. А они возвращались со службы очень поздно.

– О твоих близких, по-прежнему, ничего не слышно? – с участием спросил Ляшко.

– Да, молчок, – вздохнув, ответил Михаил. – Не знаю, что и думать? И писем тоже нет.

– Ты ж говорил, что они уже в пути?

– Хотелось бы так думать...

Дальше играли молча, слушая музыку и внимательно обдумывая ходы. И вдруг к столу подошла стройная молодая женщина в скромном тёмном платье, с косой, собранной в тугой комок. Постояла с минуту, наблюдая за игрой, и сказала с укоризной:

– Шахматисты, как вам не стыдно? Сидите, занимаетесь деревянными фигурками, а рядом стоит живая фигура, да какая! Стоит и глаз от вас не отрывает...

– Вы о ком? – оторопев от неожиданности, спросил Гулякин. – Какая ещё фигура?

– Девушка стоит, милая девушка. Что же, или не видите?

Разрушительница маленькой мужской компании довольно бесцеремонно сбросила с шахматной доски фигурки и потянула Гулякина за собой.

– Ну, ну, иди, посмотри, что там за фея, – подбодрил Николай Ляшко.

Михаил Гулякин, немного смущаясь, пошёл вслед за дерзкой незнакомкой.

– Вот, смотрите, товарищ военврач третьего ранга. Видите, красавицу у портьеры?

Гулякин сразу обратил внимание на миловидную девушку лет восемнадцати.

– Знакомьтесь, – сказала женщина. – Это Зоя. Эвакуировалась из Гомеля. Студентка пединститута. Теперь представьтесь и вы., – потребовала она.

– Михаил, – назвал он своё имя.

Все трое замолчали, не зная, что делать дальше. Впрочем, не знали этого только Михаил и Зоя, а женщина, их познакомившая, прекрасно знала:

– Теперь идите с Зоей танцевать, а я приглашу вашего друга, – заявила она.

Но танец уже закончился, пары разошлись, и Михаил, воспользовавшись этим, сказал Зое:

– Вы знаете, я танцами не увлекаюсь, да мастерство моё в этом невелико. Вряд ли вам будет со мной интересно.

– Ну и что? – заявила Зоя, пожав плечами. – Я стану играть с вами в шахматы, если вы хотите.

– В шахматы? Вы думаете, я часто играю в них? За всё время, пока живу в гостинице, второй раз в вестибюль спустился.

– Знаю, что играете, но видела вас и раньше. Вы к нам приходили, когда маме было плохо. Не помните?

Нет, Гулякин этого не помнил. Вернее, каждую больную, которой он оказывал помощь в этой гостинице, он, конечно, он бы сразу узнал, но родственников просто не запоминал. Уж слишком часто его тревожили. Почти каждую ночь вызывали то в один, то в другой номер. В гостинице, битком набитой эвакуированными, которые были в большинстве людьми преклонных возрастов, к услугам военных медиков прибегали очень часто. Вот об одном таком случае и напомнила Зоя.

– Это вчера, на втором этаже, номер... – начал Гулякин, чтоб не обидеть её.

– Нет, к маме вас вызывали три дня назад. С тех пор я и слежу за вами.

– Зачем? – вырвалось у него.

Зоя потупилась. Но тут снова заиграла музыка, и Михаил почувствовал неловкость. Стоять рядом с девушкой, не приглашая её на танец, тем более, если она очень хочет танцевать, действительно не совсем удобно. Он ухватился за её предложение:

– Так вы играете в шахматы?

– Немного...

– Тогда попробуем...

Они сели за стол, быстро расставили фигурки. Зоя играла значительно слабее, чем Михаил, а ему не хотелось обыгрывать её. Тянул время, старался делать ошибки, незаметные сразу, «зевать» фигуры.

Зоя же была невнимательна к игре. Она рассказывала о себе, о своём городе, о родителях.

– Мы едва успели уехать. Мама не хотела. Тянула до последнего. Едва уговорила её. А вы? Скоро на фронт? А где ваша мама?

– Должна приехать вместе с братьями и сестрой. Так что мне не до развлечений. Надо их устраивать. Забот прибавится.

– Причём здесь развлечения? Разве я о них думаю? Вы просто мне понравились, просто... – она не договорила и опустила глаза.

Гулякин сосредоточенно уставился на шахматную доску. Между тем, дежурный администратор попросил закончить танцы. Время позднее – людям надо отдыхать, и он поспешно поднялся, попрощался с Зоей, поблагодарил её за приятный вечер и поспешил в свою комнату.

Николай Ляшко встретил вопросом:

– Что это ты такой взъерошенный?

– Так, не знаю...

– А твоя знакомая мила, очень мила...

– Не время сейчас, совсем не время заводить знакомства, – отмахнулся Гулякин. – Да и зачем? Скоро на фронт, а там неизвестно что будет. Всё-таки в тыл врага забросят.

– Ну-у, – протянул Ляшко. – Так думать негоже. Не умереть, а победить – вот наш девиз. Кстати, а у тебя есть невеста? Наверное, красавица, если тебя такая дивчина не тронул. Где она, невеста-то?

– Нет... Невесты нет. Знакомые девушки, конечно, были в институте, но всё не то.

– Тогда что же тебе мешает? Не понимаю. Война войной, но жизнь продолжается. Придёт и наш черёд с врагом драться. Скоро придёт. А пока отчего же не потанцевать в свободную минутку, не пообщаться с милой девушкой? К тому же совершенно не обязательно заводить отношения слишком далеко.

Михаил внимательно выслушал приятеля и сказал:

– Может, ты и прав. Просто мне сейчас не до того. За своих беспокоюсь. Ну не настроен я даже на простые встречи. Не настроен.

Однако, уже следующим вечером, едва Михаил ступил в вестибюль гостиницы, Зоя встретила его.

Поздоровавшись, он сказал ей:

– Извини. Я только спрошу у администратора...

– О своих? Я уже спрашивала. Нет, не приезжали... Ты выйдешь сегодня в вестибюль? – видимо, надеясь вот так непроизвольно перейти на «ты».

И таким молящим был её взгляд, что Гулякин не мог отказать.

– Конечно, выйду. Только приведу себя в порядок и спущусь, – пообещал он.

Они снова пытались играть в шахматы, затем всё-таки вышли на медленный танец.

И так повторялось каждый вечер. Гулякин ругал себя, собирался прекратить эти, как ему казалось, никому ненужные отношения, но всё откладывал и откладывал, не желая обижать девушку.

Между тем, доукомплектование и боевое сколачивание корпуса заканчивалось. Все подразделения отработали прыжки с вышки. И вот настал день выезда на аэродром...

Крещение хирурга

Едва тёмно-зелёный десантный самолёт, натружено гудя моторами, неторопливо забрался на установленную для прыжков высоту, инструктор скомандовал:

– Приготовиться!

Открылся люк, и в его проём Михаил Гулякин увидел ровное заснеженное поле. Вспомнился первый прыжок. Погода была такой же солнечной, ясной. Разве что снега побольше.

– По моей команде, первый...

Гулякин встал, повинаясь властному требованию инструктора, шагнул к люку и, услышав резкое: – «Пошёл!» – провалился вниз.

Его сразу подхватил и развернул встречный поток воздуха, но через считанные секунды резкий толчок возвестил о раскрытии парашюта. Над головой вспыхнуло серебристо-белое облако купола.

Охватило знакомое, радостное волнение. В аэроклубе он совершил два прыжка. Теперь всё было и так как прежде, и иначе. Прыгали не со стареньких тихоходных самолётов, а с больших транспортных. Да и парашюты не спортивные, а боевые, десантные.

Гулякин с восторгом оглядел местность. Под солнцем горело и сверкало ярко-белое покрывало снега. На горизонте синели леса, чуть ближе пестрели крыши районного городка, примостившегося на берегу величавой Волги, русло которой ещё темнело студеной водой, ожидавшей скорого ледяного покрова.

А вокруг, словно большие пушистые снежинки медленно опускались на землю серебристые купола парашютов.

Потянув одну стропу, Михаил развернулся по ветру и приготовился к встрече с землёй. И вот ноги ушли в снег, и он, удачно сманеврировав, быстро погасил купол.

Поблизости приземлялись десантники. Многие сегодня прыгали впервые. Барахтался, пытаюсь высвободиться из паутины строп Дуров, ему старался помочь Тараканов. А Мялковский стоял рядом, задрал голову, и с тревогой глядел вверх.

– Парашют не раскрывается, – неожиданно закричал он. – Смотрите, смотрите... Что же он?

Гулякин поднял голову и посмотрел туда, куда указывал Мялковский. Один десантник падал комом...

– Мялковский, за мной. Тараканов – остаётся здесь, – скомандовал Гулякин и, определив, что десантник упал где-то на окраине города, поспешил туда.

Десантник лежал на левом боку в глубоком сугробе, наметённом возле плетня.

– Сержант Черных! – узнал Мялковский и, нащупав пульс, радостно воскликнул: – Жив!

Гулякин склонился над пострадавшим.

– Снег спас, снег возле плетня. А если б на открытом месте, – он махнул рукой. – Но состояние тяжёлое! Срочно нужна операция.

С аэродрома примчалась машина. Из неё с поспешностью вышли военврач 2 ранга Кириченко и начальник парашютно-десантной службы бригады лейтенант Поляков.

– Что с сержантом? – чуть ли не в один голос спросили они.

– Множественный перелом рёбер слева, – сказал Гулякин и, продолжая осмотр, прибавил: – Есть признаки внутреннего кровотечения.

Черных открыл глаза и, узнав Гулякина, через силу проговорил:

– Я ещё буду прыгать, доктор?

И даже попытался улыбнуться.

А к спасительному плетню уже сбегались местные жители, в основном, конечно, женщины и вездесущие дети.

– Какой дорогой быстрее попасть в больницу? – спросил Кириченко, обращаясь ко всем сразу.

– Здесь недалече. Там вон, за поворотом она, в переулке, – сказала женщина в телогрейке.

– Двухэтажный домик, белый такой?

– Он самый, сынок, он самый...

– Видел его. Мимо проезжали.

– Сержанта в машину, – распорядился Кириченко. – Давайте помогу. Осторожнее...

Несколько человек склонились над пострадавшим, аккуратно подняли его и положили в машину. Он не проронил ни звука.

Поехали потихоньку. Дорога-то ухабистая. Просёлок. Остановились у крылечка больницы. Гулякин взбежал по ступенькам и открыл дверь.

– Есть кто? – громко спросил он.

На голос вышла пожилая женщина в белом халате.

Поздоровавшись, Гулякин сообщил:

– Мы привезли пострадавшего. Нужно срочно оперировать, – и спросил – Хирург на месте?

– Нет хирурга, никого нет. На фронт все ушли. Один терапевт остался, да и он на вызове, в деревне.

– Хирурга нет? А кто ж оперирует? – удивился Гулякин.

– В область отвозим. А по мелочам и сама управляюсь.

– Вы фельдшер?

– Какой там?! Сестрой хирургического отделения здесь всю жизнь проработала.

Зашёл Кириченко. Сразу оценил обстановку. Тихо сказал, положив Гулякину руку на плечо:

– Ну, Миша, решайся. Ты же хирург...

Медлить было нельзя.

– Мне не приходилось делать таких операций! – сказал Гулякин.

– Иного выхода нет, Миша, – сказал Кириченко. – Жизнь сержанта в твоих руках. В твоих, Миша! Приказать не могу, но... решайся, – и, обратившись, к медсестре спросил: – А вы можете?

– Конечно, о чём разговор. Операционная у нас в порядке, хоть и не используется давно.

Нашлись и носилки. Это ж не в машину перенести, что остановилась в двух шагах. Тут нужно было аккуратно доставить в операционную, которая оказалась на втором этаже.

Сержанта внесли в комнату, сообщавшуюся с операционной, осторожно поставили носилки. Медсестры тут же сделала инъекцию морфия и камфары с кофеином. Стала готовить внутривенное вливание физиологического раствора.

Лицо сержанта было бледным, пульс едва прощупывался. С помощью Мялковского и медсестры Гулякин осторожно освободил пострадавшего от оставшихся элементов снаряжения и одежды. Сразу обнаружил кровоподтёки на коже левого плеча и левой ноги. Нижняя часть груди была деформирована.

«Каковы же повреждения? – попытался определить заранее, до начала операции. – Очевидно, пострадали селезёнка, печень, лёгкие. Упал на левую сторону – значит, слева переломы рёбер. Да, явно разрыв селезёнки».

Коротко доложил стоявшему рядом Кириченко уточнённый диагноз.

– Кто оперировать будет? Вы? – спросила медсестра, уловившая то, о чём говорили военные медики, когда узнали, что в больнице нет хирурга.

– Да, оперировать будет военврач третьего ранга Михаил Филиппович Гулякин. Я давно уже администратор, да и прежде был не хирургом, а терапевтом. Ну а он у нас хирург.

Прежде Михаил Гулякин не думал, что вот так, в такой обстановке и при подобных обстоятельствах придётся делать столь сложную операцию. Да, ему приходилось нередко быть ассистентом у опытных хирургов. Ему даже доверяли операции, но операции далеко не такие, как предстояла теперь. Ещё на аэродроме, осматривая сержанта, он не сомневался, что в ближайшей больнице наверняка есть хирург. Ну и Кириченко рядом. Почему-то казалось, что уж Кириченко-то справится с задачей... А вот ведь как всё повернулось!

В предоперационной было тихо. Все с надеждой смотрели на Гулякина. Много раз впоследствии он ловил на себе подобные взгляды, когда речь шла об очень тяжёлых операциях. Но это было потом. А в те минуты он не то чтобы растерялся, нет, он просто пытался опреде-

лить, справится ли. Ведь действительно ещё не имел необходимого опыта для такого сложного хирургического вмешательства.

Ответственность! Огромная ответственность! А если неудача? Какого молодому хирургу начинать с неудачи?

Гулякин неуверенно спросил у Кириченко:

– Может, всё-таки поручить более опытному хирургу?

– Ко-о-му? – начиная терять терпение, протянул Кириченко.

Гулякин назвал начальника физиологической лаборатории военврача Кунцевича и врача Яковенко из другой бригады.

– Не думал, Миша, что ты предложишь такое, – упрекнул Кириченко, – не думал, что, боясь ответственности, попытаешься уклониться от помощи десантнику, жизнь которого в твоих, только в твоих руках.

– Я не уклоняюсь. Я хочу, как лучше для сержанта...

– Лучше? А тебе известно, что Кунцевич – опытный преподаватель, много лет прослужил в Военно-медицинской академии, прекрасно знает биохимию, но никогда не делал операций? Тебе известно, что Яковенко находится в двадцати километрах отсюда и пока машина доберётся до него, пока привезёт сюда, если он вообще на месте и не придётся его искать в подразделениях, пройдёт столько времени, что он окажется уже не нужен...

Кириченко не хотел приказывать, но время на разглагольствования истекло. Сержанта уже перенесли на операционный стол.

– Всё! Решение принято! Будешь оперировать ты, Миша. Верю, что сделаешь всё возможное!

Твёрдость начальника, уверенность, с которой он поручил такое ответственное дело, придали Михаилу силы.

– Больной готов? – спросил он у медсестры.

– Готов!

– Ассистировать будете вы и фельдшер Мялковский. Очевидно, потребуется кровь...

– Об этом позабочусь, – сказал Кириченко. – Я уже вызвал младшего врача бригады Тарусинова и фельдшера-лаборанта. Приступайте к операции.

Дверь открылась, и на пороге появился комбат старший лейтенант Жихарев. Из-за его плеча выглядывал комиссар Коробочкин.

– Что с Черных? – спросил комбат.

– Скоро узнаем, – ответил Кириченко. – Гулякин будет оперировать. Состояние тяжёлое. Черных в рубашке родился. С этакой высоты... И надо же. Сугроб, наверное, единственный во всей округе, спас.

– Разберитесь, что случилось, – приказал комбату начальник парашютно-десантной службы бригады лейтенант Поляков. – Нужно выяснить, почему не раскрылся парашют. Это важно знать всем – и нам, и, – он кивнул на всё ещё открытую дверь в операционную, – его товарищам.

Пока Гулякин тщательно мыл руки, медсестра подготовила стерильный халат, помогла надеть его и подала перчатки.

Затем быстро подготовилась сама и вслед за Гулякиным вошла в операционную, где уже находился Мялковский. Туда же поспешил и Кириченко.

– Так, прошу дверь закрыть. К столу посторонним не приближаться, – уже твёрдым голосом, которым отдаёт приказы, – распорядился Гулякин.

Он подошёл к операционному столу, и в памяти его сразу ожило всё, чему учили преподаватели в институте и хирурги в клинике, которым он ассистировал во время дежурств. В больнице аппаратуры для проведения общего наркоза не оказалось, не было и анестезирующих средств общего обезболивания. К счастью, нашёлся раствор для местной анестезии.

Аккуратно обработав поверхность грудной клетки, Гулякин взял из рук сестры шприц с новокаином и ввёл анестезирующий раствор в места, из-под кожи выступали обломки рёбер.

Тут же вспомнилась заключительная напутственная лекция начальника кафедры военно-полевой и госпитальной хирургии военврача 1 ранга профессора Левита. Она так и называлась: «Как поступать на фронте».

Медленно, словно что-то постоянно обдумывая, профессор расхаживал по кафедре, вовсе не по-профессорски, а дружески говоря:

– Огнестрельную рану всегда сопровождают кровотечение, шок, инфекция... Поэтому наипервейшая обязанность каждого врача – остановить кровотечение, ввести анестезирующий раствор в места перелома костей...

Гулякин сделал первый разрез. В полости живота оказалось много крови. Предположение, что при ударе о землю произошёл разрыв селезёнки, к несчастью, подтвердилось.

Что же делать? Ему не доводилось не только оперировать самому, но даже и наблюдать, как работают другие хирурги при подобном повреждении. Конечно, теоретически он знал порядок операции, но его охватило беспокойство: удастся ли справиться практически?

Посмотрел на Кириченко. Тот казался спокойным, хотя, наверное, тоже понял, что жизнь сержанта – на волоске висит.

– Мясковский, следите за пульсом, – распорядился Кириченко. – Миша, смелее, всё будет в порядке.

«А ведь даже не предполагает, каково мне сейчас, что впервые берусь за столько сложное дело, – подумал Гулякин. – Надеется на меня, верит, что справлюсь. Верят и Мясковский, и медсестра, которая уже приготовила очередной хирургический инструмент, но имя и отчество которой так и не успел спросить, верят и командир батальона с комиссаром, что остались за дверью. Я обязан справиться!»

– Ну что же ты, Миша? Всё готово, – спокойным тоном проговорил Кириченко.

И снова твёрдый, голос военврача 2 ранга вселил уверенность, придал силы.

Тщательно осушив полость живота, Михаил аккуратно перевязал повреждённые сосуды и удалил селезёнку, глубокие трещины которой уходили к сосудистой ножке. Осмотрев другие органы, и не обнаружив повреждений, стал накладывать швы.

– Ну вот, кажется, и всё, – облегчённо вздохнул Кириченко.

– Нет, – отрицательно покачал головой Гулякин. – Необходимо переливание крови.

Вызванные младший врач бригады и лаборант уже доложили Кириченко, что подобраны два донора с первой группой крови, что, кроме того, готовится консервированная кровь.

После переливания крови самочувствие сержанта Черных заметно улучшилось: стало ровным дыхание, нормализовался пульс. Но угроза жизни ещё существовала. Дежурить у операционного стола Гулякин приказал Мясковскому, чтобы в случае ухудшения состояния, немедленно вызвать его.

Сняв халат и перчатки, Гулякин вышел из операционной. Кириченко крепко пожал руку:

– Спасибо. Ты даже не представляешь, Миша, что сегодня сделал! Сложнейшая операция и в таких условиях! Это же..., – Кириченко махнул рукой и, обняв Гулякина, прибавил: – Это настоящая победа.

– Первая моя операция! – устало сказал Гулякин.

– Неужели первая?! – удивлённо воскликнул комиссар батальона Коробочкин, который тоже подошёл, чтобы поблагодарить и поздравить с успехом. – Никогда не оперировал?

– В институте в основном ассистировал. Ну а операции доверяли простейшие, да и то под руководством опытных хирургов. А такие вот операции и в клинике делают очень редко. Практики в институте, да и на военфаке студенты и слушатели не получают.

– В таком случае поздравляю с боевым крещением! – сказал Жихарев, тоже обнимая Гулякина и пожимая ему руку.

– Почему же с боевым? – пожал плечами Гулякин. – В бою я ещё не был.

– Да разве это не бой? Разве сегодня ты не сражался с главным врагом, – смертью, что угрожала Черных? – убеждённо сказал Жихарев.

– Сражался! – улыбнулся Гулякин.

– И победил, – заметил военврач 2 ранга Кириченко. – Это и есть боевое крещение хирурга. А в бою участвовать не наше с вами дело. Наше дело быть всегда готовыми прийти на помощь раненым. Конечно, война нынче особая. Может, придётся и за оружие браться, чтобы защитить свой медицинский пункт или медсанбат. Но основное для нас – врачебная помощь раненым.

Кириченко вышел на крылечко. За ним последовали остальные. После необычайного напряжения, после тревог за жизнь сержанта, все оживились.

– Кстати, вы слышали о подвиге военно-санитарного поезда? На днях указ был. Нет? – спросил Кириченко. – Так послушайте... Недавно наградили начальника поезда, начмеда и нескольких медсестёр. Фашисты, как уже известно, ни с какими правилами ведения войны не считаются. Вот и этот поезд несколько раз бомбили, хотя и видели на крышах вагонов красные кресты. Тогда-то начальник поезда и решил создать из медперсонала команду стрелков-зенитчиков. Командующий армией придал поезду три зенитных-пулемёта. При очередной транспортировке раненых фашистские стервятники как всегда сунулись за лёгкой добычей. Сунулись, как на воздушной прогулке. И тут ударили по ним из пулемётов. Два бомбардировщика сразу сбили, один крепко повредили. Вряд ли он дотянул до линии фронта. Остальные драпанули... Вот так. Нас это касается в первую очередь. Мы будем драться за линией фронта. А фашисты раненых не щадят, тем более десантников...

Комиссар Коробочкин как бы подвёл итог свершившемуся:

– Знаете! Сегодня и ещё одно очень важное событие произошло. На глазах у всего батальона у Черных не раскрылся парашют. Да что там батальона? Вся бригада уже знает, небось. И корпус скоро будет знать – солдатский телеграф работает быстро. Так вот! Сержант упал с такой высоты, что, казалось бы, всё – никаких шансов. А наш же, наш родной военврач третьего ранга, наш начальник батальонного медпункта спас его! Какую веру это придаст десанникам, которые в бой пойдут! Веру в то, что сильная у нас медицина. Спасёт, если что.

– Да, такая вера тоже ведь нужна, когда в бой идёшь, – согласился комбат Жихарев.

Скоро на фронт

Как-то вечером Николай Ляшко сказал Михаилу Гулякину:

– Знаешь, по всему чувствуется: скоро на фронт.

– В том-то и дело, – оживился Михаил, радуясь, что можно поделиться волновавшими его мыслями. – Вот, думаю теперь, как быть? Может, оформить через местные власти квартиру для мамы с братьями и сестрой? Вдруг они всё же приедут, а жить негде. Да и меня здесь не будет. Кто поможет?

– Попроси, конечно, попроси. Может, что-то и выделят, – сказал Николай и тут же предложил: – Хочешь я с тобой поживу там, чтобы скучно не было? Признаться, надоело в гостинице. Тебя по ночам дёргают к больным. Спать не дают. Да и я волнуюсь...

На следующий день вместе сходили в квартирное бюро. Михаилу предложили занять две комнаты в свободном и просторном доме бывшего директора школы. Дом находился рядом с расположением части.

Расплатившись с гостиницей и не указав своего нового адреса, Гулякин вместе с приятелем отправился на новую квартиру.

– Ты даже с Зоей не попрощался, – напомнил Николай.

– Зачем? Станет адрес просить, захочет встретиться. А надо ли это?

Перед тем как лечь спать, Гулякин написал домой ещё одно письмо, в котором указал свой новый адрес. Поторопил, намекая на то, что, возможно, уже скоро переедет из города в другое место. Долго думал, прежде чем написать эти строки. С одной стороны, не стоило беспокоить мать сообщением об отправке на фронт, но с другой – хотелось поторопить, хотелось повидаться перед отъездом. Да, впрочем, разве ей не понятно, что у каждого сейчас путь один – на фронт.

Запечатал письмо, прилёг, но заснуть не мог. Почему-то вдруг подумал о Зое.

«А правильно ли поступил, что тайком сбежал из гостиницы? Решит ведь, что всё потому, что она мне не нравится. Ну и пусть. Пусть так решит. Все ни к чему. Впереди фронт...»

...Прошло несколько дней. Гулякин каждый вечер просил Николая Ляшко заглянуть в гостиницу, чтобы узнать, нет ли вестей от мамы. Вестей не было.

В тот день Михаил возвращался со службы, когда было уже около полуночи. И вдруг заметил свет в окне своей комнаты. Побежал, подумав о том, что приехал кто-то из родных.

В прихожей его встретил Николай и тихо сказал:

– Тебя ждут...

Он рванул дверь и увидел сидящую за столом с книгой в руках Зою. Бросился в глаза какой-то особый порядок в комнате, который мог быть только благодаря прикосновению женских рук.

– Скрылся, – с укоризной сказала Зоя. – А я вот нашла! – она покраснела и замолчала.

– Давно ждёшь? – спросил Михаил, не зная, что ещё сказать.

– Да уж часа два – не меньше.

– Я сегодня задержался, да и не знал...

– Если бы знал, наверное, и совсем бы не пришёл? – спросила она, пытливо всматриваясь в его лицо.

– Ну почему же? Зря ты так думаешь.

– Потому что вижу – избегаешь меня.

Михаил не успел ответить, потому что вошёл Николай и спросил:

– Ну что, молодежь, чаю согреть?

– С удовольствием, – согласилась Зоя и спросила. – Остаться у вас можно, а то вон как поздно, да и погода – метель метёт.

– Конечно, конечно, – сказал Николай, не обращая внимания на знаки, которые ему потихоньку делал Михаил. – Можешь занимать диван в смежной комнате.

За чаем говорил в основном Николай, стараясь развеселить насупленного Михаила и задумчивую Зою. Но, увидев, что это не удаётся, заявил:

– А теперь отдыхайте. Завтра трудный день.

– Располагайся, – сказал Михаил Зое и ушёл в свою комнату, прикрыв за собой дверь.

Утром, когда Михаил и Николай ушли на службу, Зоя осталась одна в квартире.

Николай был старше Михаила. Он ни о чём не спрашивал, а по пути даже сказал:

– Зоя хорошая девушка. Как для каждого из нас закончится война, мы не знаем. Живём надеждами. И она надеждой живёт.

В обеденный перерыв Михаил, забежав домой, увидел на столе записку:

«Если мои искренние чувства тебе безразличны или кажутся оскорбительными, скажи об этом прямо. Первой на встречу больше не приду».

Что делать? Снова и снова Михаил думал о том, что ждёт его уже в недалёком будущем. Вспомнилось, что говорил о десантниках преподаватель по авиационной подготовке: «Десантник – это человек, всегда готовый на самопожертвование!»

«Зачем связывать свою судьбу с милой Зоей, обрекать её на ожидание, на волнения? Её увлечение пройдёт, ведь время – лучший лекарь. А когда и где может быть следующая встреча? Этого никто не может сказать».

И всё-таки домой в тот вечер Гулякин вернулся пораньше. Вскоре пришёл и Николай. Сразу спросил:

– А где же Зоя?

Михаил молча протянул записку. Николай прочёл, подумал немного и решительно заявил:

– Ты должен ей что-то ответить. Так же нельзя. Она же просит.

– Постараюсь, хотя, если честно, не знаю, что отвечать.

На следующий день, встретив в городе подругу Зои, Гулякин попросил передать, чтобы Зоя вечером обязательно пришла к нему домой. Ждал с волнением, совсем не представляя, что скажет ей, но понимая, что сказать что-то надо.

Зоя робко вошла в комнату, присела к столу, положила перед собой томики Пушкина и Тютчева. Долгим, внимательным взглядом посмотрела на Михаила. Он почувствовал стеснение.

– Хочешь, почитаю стихи? – предложила она.

– Конечно, – с радостью согласился Михаил.

24 ноября 1941 года личному составу батальона был объявлен приказ о выступлении на Западный фронт.

– Выходим в восемь ноль-ноль, – говорил старший лейтенант Жихарев, – Совершаем марш в пешем порядке до города Энгельса. Там грузимся в эшелоны. Доложить о готовности к маршу сегодня в двадцать два ноль-ноль.

Гулякин поспешил в медпункт. К тому времени в работе медицинской службы батальона установилась строгая и чёткая система. В ротах помимо штатного санинструктора были теперь нештатные активисты-санитары. Гулякин обеспечивал их необходимыми медикаментами, учил действовать автономно, не дожидаясь подсказки фельдшера или санинструктора.

Вечером он собрал небольшое совещание, поставил задачи по обеспечению марша.

Своим подчинённым сказал:

– Понимаю, что вам самим будет трудно, очень трудно. Предстоит пройти около семидесяти километров. Но помните, на глаза у бойцов мы, медики, должны выглядеть молодцевато. Ведь на нас лежит ответственность за здоровье каждого, кто идёт в строю. И если кому-то плохо, вся надежда на нас, и взоры десантников тоже будут на нас обращены. Сами убеждали их, что мы их защитники в трудную минуту – при ранениях, травмах, да и просто болезнях.

Точно в назначенный час Гулякин доложил о готовности к маршу и отправился домой, чтобы хоть немного отдохнуть перед дальней дорогой.

– С Зоей-то попрощался? – спросил Николай.

– Когда же? Минуты свободной нет.

– Так сходи, ещё есть время. Нехорошо так.

– Нам же не рекомендовали сообщать местным жителям о выступлении на фронт, – напомнил Михаил.

– Можно подумать, что никто и ничего не поймёт. Целый корпус в одночасье снимается и куда-то марширует. Да и зачем говорить, что на фронт отправляют. Скажи, учения будут. Многие так и говорят. Ну а уж что подумают – то подумают.

Гулякин помолчал, видимо, размышляя, потом решительно сказал:

– Нет, я лучше напишу ей.

Он сел за стол и написал ласковое, нежное письмо. Пожелал стойкости в это суровое время. И, конечно, счастья.

Ещё было темно, когда бригада вышла на улицы. Но, словно по мановению волшебной палочки, поднялся весь город. Жители выстроились вдоль тротуаров, образовав длинный коридор, сквозь который проходили колонны десантников.

Женщины плакали, что-то кричали вслед, пожилые мужчины желали быстрой победы, просили бить германца, как били они в годы первой мировой войны.

И вдруг Гулякин услышал знакомый голос, пробившийся сквозь нестройный хор множества голосов. Кричала Зоя. Она стояла на тротуаре, махала рукой. И слышалось Михаилу самое желанное и дорогое:

– Буду ждать!

В Энгельс прибыли в час ночи. Не все одинаково перенесли марш. Михаил был удивлён тем, что крепкому и выносливому с виду Василию Мялковскому пришлось оказывать помощь. Василий совсем выбился из сил, и ему помогали идти Виктор Тараканов и Дуров.

В целом же марш прошёл успешно. Заболевших не было, не было и таких, кто не дошёл до конечного пункта.

Эшелон стоял на станции, паровоз – под парами. Хозяйственники спешно получали продукты на путь следования. Михаилу Гулякину пришлось сразу же заняться проверкой их качества. К нему обращались командиры подразделений. Их беспокоило то, что многие красноармейцы, отказавшись от горячей пищи, повалились на пол в зале ожидания и заснули.

– Не беспокойтесь, они просто устали. Через часок-другой поедят с аппетитом, – успокаивал Гулякин.

Ему и самому не очень хотелось есть. Мысли о неотложных делах не оставляли времени подумать о еде.

В три часа ночи началась погрузка. И снова дел хоть отбавляй. Путь предстоял неблизкий, и Гулякин обошёл все вагоны, посмотрел, как разместились красноармейцы и командиры, как соблюдаются санитарно-гигиенические нормы.

Наконец, ранним утром паровоз дал длинный гудок, и эшелон медленно тронулся, постепенно набирая скорость. Застучали на стыках рельс и выходных стрелках множество колёсных пар.

Остановки в пути были крайне редкими и очень короткими.

– Спешим к Москве, – сказал Жихарев. – Настал наш черёд сразиться с врагом.

По тылам врага.

В конце ноября 1-й воздушно-десантный корпус был в основном готов к боевым действиям, а когда советские войска начали мощное контрнаступление под Москвой, его перебросили к линии фронта.

Бригада разместилась побатальонно в районе города Люберцы и в посёлках Дзержинский, Капотня, Малаховка. 2-й отдельный воздушно-десантный батальон дислоцировался близ аэродрома. Личный состав расписали по самолётам. Каждую минуту ждали приказа на десантирование в тыл врага.

Морозным декабрьским вечером 1941 года к Михаилу Гулякину на медицинский пункт пришёл комиссар батальона. Он раскрыл свою командирскую сумку и достал топографическую карту.

– Смотри Миша, знакомые места?

– Ещё бы, вот Мценск, Чернь, Скуратово, – оживился Михаил. – Я здесь всё исходил вдоль и поперёк. А вот и Акинтьево моё родное. Ну что ж, Николай Иванович, эту местность знаю хорошо, быть может, буду полезен не только как военврач.

А сам подумал: «Эх, если бы удалось повидать маму, сестру, брату Анатолия. А то ведь никаких вестей от них...»

– Как ты, наверное, понял, Миша, ориентировали нас на действия именно в этом районе. А там уж как решит командование. Обстановка на фронте меняется быстро.

И действительно, всё вышло несколько иначе. 10 декабря, вскоре после начала контрнаступления советских войск под Москвой, бригада была выброшена небольшими группами на пути отступления врага. С одной из групп было приказано десантироваться и Михаилу Гулякину со своими помощниками – санинструктором Таракановым и санитаром Мельниковым. Только вот действовать пришлось не южнее, как предполагалось первоначально, а северо-западнее Москвы.

Морозной ночью взревели двигатели самолётов. Летчики опытные, многие прошли закалку за Полярным кругом. Им сам чёрт не брат. Совсем недавно, пару недель назад производили выброску красноармейцев-добровольцев из стрелковых полков, чтобы остановить движение вражеских танков под Можайском. Без парашютов, в глубокий снег с минимальной высоты и на минимально возможной скорости. Теперь проще, теперь и высота нормальная и скорость обычная, разве что под крылом белая пелена, да и самолеты, словно не по воздуху летят, а в молоке плывут. С другой стороны, вражеских истребителей не встретишь.

Заняли места, приготовились. Пока проводилась посадка, кто-то раза два упомянул о необыкновенном, героическом десанте. Гулякин заинтересовался. А когда самолёт набрал высоту, услышал рассказ о том подвиге. И ясно представил себе картину...

Представим и мы себе, что произошло буквально в последние дни вражеского наступления на Москву, и буквально за несколько дней до начала контрнаступления. Тем более, сегодня нам известно уже значительно больше, нежели мог услышать военврач 3 ранга Михаил Гулякин в ту декабрьскую ночь, когда десантный самолёт уносил его в тыл врага для выполнения боевого задания.

Сталин разговаривал с командиром 3-й авиадивизии дальнего действия полковником Головановым, когда раздался звонок по ВЧ (высокочастотной телефонии). Командующий фронтом генерал армии Жуков доложил встревоженным голосом о том, что со стороны Можайска на Москву движется шестьдесят танков и до трёх полков пехоты на автомобилях. Остановить их нечем. Никаких наших подразделений и частей на этом направлении нет.

Не время было спрашивать, почему оборона на этом направлении оказалась эшелонирована столь слабо. Сталин спросил лишь одно:

– Ваше решение?

Командующий фронтом доложил, что решил собрать артиллерию двух стрелковых дивизий пятой армии, 32-й и 82-й, но для того, что бы перебросить их на участок прорыва, нужно любой ценой задержать танки, а задержать их нечем.

Сталин тут же позвонил командующему авиацией московской зоны обороны генералу Жихареву, коротко ввёл в обстановку и попросил ударить по танковой колонне силами фронтовой авиации.

– Это невозможно, товарищ Сталин. Низкая облачность не позволит нам нанести точный бомбовый удар, а против танков удар по площади не эффективен.

Сталин согласился с ним и обратился к Голованову:

– Может быть, выбросить десант?

– Вероятно, это единственный выход, – согласился Голованов, – Но здесь есть сложности. Выбрасывать десант с шестисот – тысячи метров в данной обстановке бессмысленно. Низкая облачность сведёт на нет точность выброски, а глубокий снег не позволит десанту быстро сосредоточиться в районе прорыва. К тому же, противник сможет расстрелять парашютистов в воздухе.

– Но не сажать же самолеты в поле перед танками противника? – с раздражением спросил Сталин.

– Да, это тоже невозможно, – подтвердил Голованов. – Часть самолётов неминуемо погибнет при посадке, да и приземление под огнём противника не приведёт к успеху.

– Каков же выход?

– Выход есть. Нужно высадить десант с предельно малых высот и на предельно малой скорости самолётами транспортной авиации. Глубокий снег в этом случае нам на руку.

Сталин долго молчал, затем сказал:

– Без парашютов? Как же это? Ведь люди погибнут.

– При выброске с парашютами погибнет больше. А в данном случае снег смягчит удар. Можно надеяться на незначительные потери. К тому же иного выхода у нас нет, – убеждённо сказал Голованов.

– Погибнут люди, – повторил Сталин, всё ещё внутренне сопротивляясь такому решению, хотя нельзя было не понять, что иного выхода просто нет.

– Товарищ Сталин, немецкие танки идут на Москву.

– Как вы собираетесь выбросить десант?

Голованов доложил, что на аэродроме транспортной авиации близ села Тайнинское находятся самолёты ПС-84 и ДС-3. Лётчики на них опытные, у каждого солидный налёт в различных метеорологических условиях. Пройти на бреющем над полем и обеспечить выброску десанта они вполне способны и прибавил:

– Остаётся найти резервные части, которые можно быстро доставить в Тайнинское.

У Сталина на карте были нанесены все самые свежие данные об обстановке, о расположении частей и соединений, о подходе резервов. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить: ближе всех к Тайнинскому находились части стрелковых дивизий, следовавших маршем на формирование 1-й ударной армии в район Пушкино. Верховный попросил уточнить, где находятся они в данный момент, и, узнав, что подходят к Мытищам, приказал повернуть два стрелковых полка на аэродром.

– Какие силы мы можем десантировать? – спросил Сталин у Голованова.

– Каждый самолет может взять до тридцати десантников с противотанковыми ружьями из расчёта одно на двоих, с противотанковыми гранатами и личным оружием.

– Хорошо. Сколько у нас есть самолётов?

– Надо количество транспортников довести до тридцати, – сказал Голованов. – Пятнадцать в Тайнинском уже есть. Ещё пятнадцать прикажу перебросить с аэродрома Внуково из состава особой авиационной группы.

– Поезжайте в Тайнинское, – размеренно сказал Сталин. – Лично поставьте задачу лётчикам. Когда прибудут стрелковые полки, поговорите с людьми, обрисуйте обстановку и попросите от моего имени выполнить эту опасную задачу. Отберите только добровольцев. Только добровольцев, – повторил он.

Два стрелковых полка, направленные в Тайнинское, выстроились на аэродроме. Командиры перед строем в ожидании. Вскоре проявилась эмка. Из неё вышел генерал Голованов, поздоровался с командирами и остановился перед строем. Заговорил громким голосом. В морозной тишине его было слышно и на флангах строя.

– Сынки, я приехал к вам прямо от товарища Сталина. На Можайском направлении – критическая обстановка. Прорвалось шестьдесят танков с пехотой. Идут прямо на Москву. Остановить их нечем. Вся надежда на вас. Задание опасное. Нужны только добровольцы. Необходимо десантироваться с малой высоты, а, если точнее, попросту прыгнуть с самолётов в сугробы, и остановить танки. Иного способа нет. Верховный просил меня лично от его имени обратиться к вам с такой просьбой. Повторяю, задание опасное, а потому только добровольцы пять шагов вперед, – он сделал внушительную паузу, чтобы смысл его слов мог дойти до каждого и закончил краткое своё выступление резкой и отрывистой командой: – Шагом-марш!

Пять шагов вперёд сделали полностью оба полка.

В первую очередь отбирали расчёты противотанковых ружей, причём брали красноармейцев и младших командиров наиболее крепких, выносливых. Ведь прыжок в сугроб, как бы он не был опасен, это только начало. А затем предстоял бой с превосходящим противником, бой с танками.

И вот первые пятнадцать самолётов, поднимая при разбеге снежные вихри, стали один за другим подниматься в воздух.

Первая волна самолётов выбросила 450 бойцов. Около 90 человек разбились сразу. Уцелевших хватило тоже ненадолго. Но они сделали своё дело, задержав танки, заставив их вернуться в боевой порядок, причём во время развёртывания часть танков увязло в глубоком снегу. Когда же гитлеровцам показалось, что они справились с десантом и можно продолжить движение, из-под облаков вынырнули ещё пятнадцать тяжёлых краснозвёздных машин, и снова посыпались в снег красноармейцы, готовые вступить в жестокий бой – люди, презревшие смерть, люди, одолеть которых казалось уже делом невозможным. Снова выстрелы противотанковых ружей, снова взрывы противотанковых гранат, снова беспримерные подвиги бойцов, бросающихся под танки.

Головные подбитые танки загородили остальным путь вперёд. Но взрывы уже гремели и в глубине колонны, и в её тылу. О чём думали гитлеровцы в те минуты огненной схватки? Как оценивали они происходящее? Перед ними было что-то из области фантастики. Огромные Русские самолеты, проносящиеся над землей на высоте от пяти до десяти метров, и люди, прыгающие в снег, а потом, правда, уже не все, поднимавшиеся в атаку и шедшие на броню, на шквальный огонь пулемётов с единственной целью – уничтожить незваных гостей, топтавших Русскую Землю.

Можайский десант задержал колонну немецких танков, дав возможность перебросить под Кубинку артиллерию. Совместными согласованными усилиями артиллерии и стрелковых полков противник был отброшен на исходные рубежи, потеряв 51 танк, сторело также около шестидесяти автомашин, было уничтожено до трёх полков пехоты.

Это была последняя, судорожная попытка врага прорваться к Москве.

Говорят, что те немецкие солдаты и офицеры, которые встретились в заснеженных полях России с беспримерным десантом, получившим название Можайского, были надломлены морально и уже не могли воевать так, как воевали до сих пор. А ведь Русский десант атаковал не каких-то трусливых вояк, отдавших к тому времени Гитлеру и Варшаву, и Париж, и вообще всё, что можно было отдать. Атаковали наши воины не британцев, спустя полгода после беспримерного Русского десанта наваливших в штаны при сопровождении конвоя PQ-17 при одном известии о выходе им навстречу линкора «Тирпиц». Британцев, бесчеловечно и аморально бросив на растерзание авиации и подлодкам безоружные транспортные корабли. Перед нашими воинами были не янки, что в сорок пятом драпали под Арденнами от фольксштурма, гитлерюгенда, да потрёпанных на советско-германском фронте дивизий Вермахта, имевших весьма ограниченный боекомплект и по одной заправке топлива на танк.

Русский десант атаковал бронированный авангард одной из сильнейших армий в мире, а если точнее, то одной из двух сильнейших армий. Солдаты этой армии, на протяжении всей своей многовековой истории, уступали воинам только одной армии – Русской и только от неё одной терпели поражение. Поэтому в мировой военной истории известны только две армии, которые достойны того, чтобы называться армиями, а не стадом изнеженных наёмников. Два государства, обладающих этими армиями, тёмные силы зла постоянно сталкивали с единственной целью – выбить как можно больше людей и у тех, и у других. И, несмотря на то, что подвиг Можайского десанта некоторые американоидные интеллигенты пытались стереть в памяти Русских людей, именно в Германии, в 1946 году вышла книга, в которой обобщался опыт боевых действий воздушно-десантных войск. И в книге этой было прямо указано на возможность высадки в критической обстановке десанта без парашютов в глубокий снег, с предельно малой

высоты. Этот метод не был проверен самими немцами, но они оценили по достоинству то, что совершили сибиряки 2 декабря 1941 года на Можайском направлении под Москвой.

Этот опыт достался нам дорогой ценой. Но гитлеровцы дрогнули и повернули назад. Их танкам стоило большого труда вырваться из гигантского кострища. Они уходили, сбрасывая в кюветы грузовые автомашины, сдвигая на обочины обгоревшие коробки танков. И ушли немногие.

Впрочем, в ту декабрьскую ночь из уст в уста передавались только самые свежие, самые первые сведения о беспримерном подвиге красноармейцев, волею судьбу мгновенно превратившихся в десантников во имя спасения Отчизны. Но даже те краткие рассказы о небывалом подвиге, поднимали настроение, вызывали гордость за свою страну, свой народ, свою армию и внушали уверенность в успех предстоящей операции.

Впоследствии Михаил Филиппович не раз удивлялся, почему вдруг сведения о той беспримерной операции оказались под запретом, почему рассказ о ней маршала авиации в мемуарах, опубликованных в журнале «Октябрь» в конце 60-х, был выброшен, волею знатного партийного боса, из его книги, вышедшей позже.

Но тот подвиг остался в памяти особенно тех, кто слышал его из первых уст и кто бил врага также крепко и беспощадно, как воины десанта, получившего в истории наименование Можайского.

Рассказ несколько отвлёк, от того, что предстояло с минуты на минуту. И вот сигнал... Поочерёдно десантники покинули самолёт. Вот и над Михаилом раскрылся светлый купол, наполненный то ли ветром, толи мириадами снежинок, вместе с ним, опускающихся к земле.

Мягкое приземление – снежный покров глубок.

Приглушённые команды... Десантники собирались как можно быстрее, ведь на всё про всё время ограничено.

Ещё затемно разведывательно-диверсионная группа оседлала большак возле неширокого деревянного моста через скованную морозом речушку. Командовал молодой, но уже опытный, побывавший в боях командир парашютно-десантной роты лейтенант Семёнов. За безудержную храбрость и лихую удаль в боях десантники прозвали его Чапаевым. Так и говорили с любовью – «наш Чапай».

Разведывательно-диверсионная группа быстро оборудовала опорный пункт на берегу. На опушке леса, за пригорком, занял позицию расчёт приданного миномёта. Мост подготовили к взрыву.

Издали доносился грохот канонады, слышался приглушённый расстоянием стук пулемётов.

Мороз, будучи не в силах забраться добротные, тёплые плотно облегающие комбинезоны, пощипывал щёки, нос, пальцы в повлажневших от работы перчатках.

Позицию заняли своевременно, как и было приказано.

– Запоздывают фрицы, – перешучивались десантники. – Застряли где-то. Пора, пора гостинцы получать.

Ждали час, другой... Наконец, с большака донёсся гул автомобильных моторов. Шла колонна, и судя, по шуму её, немалая.

«Ну, вот и настал час, – подумал Гулякин, наполняясь удивительным спокойствием, сосредоточиваясь на главном. – Что же медлит командир, враг уже рядом...»

– Приготовиться! – вполголоса передали по цепи команду лейтенанта Семёнова. – Огонь открывать только по команде!

Вражеская колонна шла на большой скорости, автомобили – с зажжёнными фарами. Пурга. Налётов авиации фашисты не опасались.

Прозвучала команда «Огонь», и закрутилось, завертелось всё вокруг. Позиции десантников ошетились вспышками выстрелов. От разрыва мины, точно выпущенной из миномёта, опрокинулась и загорелась головная машина, вторая, наскочив на неё, опрокинулась и сползла в кювет. Из кузова посыпались ошарашенные гитлеровцы. Они залегли вдоль дороги, беспорядочно паля наугад.

Но минутную растерянность прекратили отрывистые команды. Вражеские солдаты вернулись в цепь и, сделав короткий бросок вперёд, залегли. А к мосту, объезжая перевёрнутые машины, двинулся бронетранспортёр. Хороший аргумент в бою с подразделением, не имеющим тяжёлого оружия...

Пулемёт трещал, поливая свинцом берег. К счастью, позиции диверсионной группы хорошо замаскированы, лишь случайные пули залетали на них.

Бронетранспортёр с ходу ворвался на мост, но едва достиг середины, как прогремел взрыв, доски, куски перил взлетели вверх и рухнули в полынь, в которой скрылся и бронетранспортёр.

А гитлеровцы спешно покидали автомобили, колонна которых ещё не успела полностью выйти из леса, остановленная внезапной атакой десантников.

Подразделения врага быстро выстраивались в боевой порядок. У них оставался один выход – прорыв сквозь заслон десантников, поскольку позади заседали передовые подразделения советских войск.

И вот началась атака. Впервые Гулякин видел врага и сразу так близко... Тёмные силуэты солдат, сполохи автоматных очередей. Вражеская цепь надвигалась. Река для атаки – не преграда. Мороз надёжно сковал её русло.

Рота встретила атакующих метким огнём, теперь уже полностью демаскировав свои позиции. Огонь атакующих стал прицельным.

Слабо вскрикнув, уткнулся в снег один десантник. К нему тут же бросился санитар Мельников. После короткой перебежки он прополз открытый участок среди взбиваемых пулями фонтанчиков снега, взвалил на себя раненого и оттащил его в небольшую ложбинку. Придерживая медицинскую сумку, заполненную различными медикаментами, туда поспешил и Гулякин.

Мельников действовал быстро и сноровисто. Расправил складки на одежде десантника в том месте, где нужно было наложить жгут, подготовил резиновую ленту и сделал два кольца на бедре выше раны.

Подоспевшему Гулякину Мельников доложил, что было фонтанирующее кровотечение из голени, но после наложения жгута оно остановилось.

«Артериальное кровотечение, – понял Гулякин. – Вот так – первый раненый в первом боя и сразу тяжёлый».

Он знал, насколько опасны артериальные кровотечения. За короткое время потеря крови может вызвать серьёзную опасность для жизни.

– Мельников, вы всё сделали правильно, – сказал Гулякин. – Теперь давайте вместе его перевяжем. А что это за бумажка под жгутом?

– Записка с указанием времени наложения жгута.

– А кому она адресована? Самому себе? Эвакуировать раненого некуда. Я даже ещё не получил от командования указаний о месте сосредоточения раненых и способах их эвакуации. Вот вам и отличие медицинского обеспечения в десанте... Но записку оставь... Правильно сделал.

– У нас пока один раненый.

– Но в других подразделениях, возможно, тоже есть. Возьмите в помощь бойца и отнесите раненого в безопасное место, вон в ту рощицу.

«Вот она, академическая тактика медицинского обеспечения военно-воздушных сил», – подумал Гулякин.

Вспомнились слова военврача 1 ранга Борисова о том, что каждый десантник – человек мужественный, готовый к самопожертвованию. Он видел их в героических делах начала войны. Теперь увидел всё это и Гулякин.

Только тактика-то, которую он изучал в стенах института и в период лагерного сбора, пока оказывалась неприменимой.

В санитарной сумке врача были стерильный перевязочный материал, хирургические инструменты, ампулированный шёлк. Всё, увы, в ограниченном количестве для очень небольшого числа раненых. Определяя количество медикаментов, сходя из того, сколько способен унести военврач на себе, да ещё при условии того, что перед боем предстоял прыжок с парашютом.

А что делать с теми ранеными, что нуждались с серьёзной хирургической помощи? Лекторы говорили, что сложные операции выполняются в армейских лечебных учреждениях. Но это на фронте! А где такие учреждения при действиях за линией фронта? Таких учреждений в тылу врага нет и быть не может. Конечно, при десантировании крупных сил и освобождении значительных территорий можно было рассчитывать на больницы. Но сохранились ли они? Да если и сохранились, то, наверняка, только сами здания. А внутри... Внутри этих зданий – пусто.

Так размышлял Михаил Гулякин, прислушиваясь к утихающему бою. Не сломив с ходу оборону десантников, они отошли. Что собирались предпринять теперь? Подготовиться к новым атакам или искать другие пути отхода? Где найти эти пути в морозную и снежную зиму?

И всё-таки атаки прекратились. Значит, гитлеровцы приняли решение искать другие маршруты. А диверсионной группе было приказано углубиться в тыл и перехватить шоссейную дорогу, по которой отходили другие вражеские колонны. Удар, разгром отходящих колонн, создание паники и неразберихи, и переход на новый рубеж. С теми, кто остановлен, разберутся уже передовые наступательные части.

Боеприпасов было пока достаточно. К тому же лейтенант Семёнов приказал десанникам собрать вражеские автоматы и гранаты. В тылу противника это хорошее подспорье.

Гулякину ротный выделил носильщиков для раненого. Две смены выделил. Нести раненого по бездорожью, сквозь лесные чащи тяжело.

Гулякин установил между носильщиками очерёдность и приказал соорудить из подручного материала носилки. Как это сделать, личный состав был обучен ещё во время занятий в дни доукомплектования корпуса. Всё было выполнено быстро, и группа двинулась в путь.

Гулякин догнал лейтенанта Семёнова и сообщил:

– У нас раненый со жгутом на бедре. Необходимо окончательно остановить кровотечение.

– Так остановите, – отмахнулся лейтенант. – Не мне же этим заниматься.

– Остановить сильное кровотечение можно только в тёплом помещении и при свете, – пояснил Гулякин.

– Извините, Михаил, я неправильно вас понял. В таких тонкостях не разбираюсь.

Лейтенант старался замять свою резкость.

А Гулякин подумал:

«Лейтенант не разбирается. Не удивительно. Учили красноармейцев, учили сержантов, а о командирах забыли».

Но теперь, в тылу врага, не время было исправлять ошибки.

– Того, что просите, обещать не могу, – подумав, сказал Семёнов. – Район, где бы должны встретиться со своими в тридцати пяти – сорока километрах отсюда. И будем мы там самое раннее через трое суток. Но допускается, что и через пять суток.

– Более двух часов жгут оставлять нельзя... Произойдёт омертвление конечности.

Лейтенант даже остановился и проговорил:

– Да... Вот дела... Как же быть? В деревнях-то наверняка фашисты.

Он развернул карту, посветил на неё крохотным карманным фонариком (очевидно, трофейным), пробежал глазами вдоль нанесённой карандашом коричневой линии, обозначающей маршрут движения.

– Вот! – проговорил оживлённо: – Домик лесника. Он почти на маршруте. Можно воспользоваться. Какое потребуется время?

– Постараюсь управиться за полчаса.

Лейтенант что-то прикинул и твёрдо сказал:

– Хорошо! Только не более... Идём к домику лесника.

На высоком берегу реки, у моста, где лишь редкий кустарник укрывал от ветра, мороз обжигал щёки, а в густом лесу, через который шла разведывательно-диверсионная группа, было тихо. После ветра, казалось, что даже тепло, хотя зима 1941/42 осталась в памяти одной из самых холодных военных зим. Десантники пробирались сквозь чащи, утопая в снегу. Держались подальше от проезжих дорог и населённых пунктов.

К дому лесника подошли с подветренной стороны, остановились на безопасном удалении, прислушались. Семёнов направил двух бойцов разведать, что там и как. Те осмотрели двор, подсобные помещения и подали сигнал, что всё в порядке. Постучали в дверь. Через минуту сверкнула в проёме полоска света, и на пороге показался кряжистый старик. После короткого с ним разговора разведчики подали условный сигнал: можно нести раненого.

Хозяин дома был суров. Хозяйка же встретила радушно, засуетилась, указывая:

– Сюда, сюда проносите... в горницу. На диван, на диван кладите. Там ему удобнее будет.

Старик заговорил, обращаясь к Семёнову:

– Вижу, что наши, вижу... Но кто ж будете? Из окружения что ли?

– Какое окружение? По делам мы здесь, отец. Слышь, как пушки говорят? Гоним мы фашистов, гоним! Просто мы впереди идём. Понимаешь?

– Теперь понимаю. Скорей бы уж. Лютуют они, ох лютуют. В соседней деревне половину домов пожгли. А народу сгубили! Ребят малых да баб постреляли. Во всех партизан видят.

Михаил прошёл в горницу, затворил за собой дверь и продолжения разговора не слышал. С помощью санинструктора Тараканова он снял с раненого верхнюю одежду, осмотрел, теперь уже при свете, рану и достал из сумки настойку йода, спирт, шёлк в ампулах и кровоостанавливающие средства.

Сняв повязку, Гулякин начал тщательно обрабатывать рану. Убрал из неё кусочки одежды, слегка ослабил жгут. Сразу возобновилось кровотечение.

Оно помогло определить порванные сосуды. Началась кропотливая работа. Сначала на каждый сосуд Гулякин накладывал зажим, затем перевязывал его шёлковой лигатурой. И так много раз.

Наконец, жгут был снят, записка о времени его наложения выброшена. Гулякин наложил на рану повязку и вышел, чтобы сообщить лейтенанту Семёнову об окончании операции.

– Что ж, тогда выходим. Время не ждёт, – сказал Семёнов и, обращаясь к носильщикам, прибавил: – Берите раненого.

– Куда вы его собираетесь нести? – подивился лесник. – На дворе мороз, пурга. Загубите парня. Что ж мы, не русские люди? Оставьте его у нас. Сбережём до прихода наших, да в госпиталь передадим.

– Уход ему нужен, – сказала хозяйка. – Оставляйте.

Семёнов заколебался.

– Вы не сомневайтесь. У нас ведь сынок тоже бьёт фашистов. Где он теперича сердешный? – хозяйка приложила краешек фартука к глазам, – может, и ему помощь надобна, может, и ему кто пособит...

– Как решим, доктор? – спросил Семёнов у Гулякина. – Может, и правда оставим?

Нужно что-то отвечать... Михаил Гулякин далёк был от того, чтобы не доверять людям, но ведь всякое могло случиться. А если фашисты нагрянут к леснику? Если найдут у него десантника? Тогда ведь всем не поздоровится. И с бойцом расправятся, да и с хозяевами тоже церемониться не станут.

С другой стороны, рейд диверсионной группы рискован. А что если придётся уходить от преследования превосходящих сил противника или сражаться на каком-то важном рубеже насмерть? До последнего патрона? Чем тогда помочь раненому? И так риск, и этак.

Решайте, товарищ военврач!

Оставить у лесника надежнее. Фашисты отступают. Вряд ли они сунутся в глубину леса в такой обстановке. Им бы теперь только ноги унести.

Ответил спокойно, обстоятельно:

– Раненому нужен покой, необходим уход хороший. Это верно. Пожалуй, воспользуемся предложением хозяев. Оставим. Тем более, наши здесь раньше здесь будут, нежели мы закончим выполнением всех задач. А с собой нести – можем не уберечь.

– Что ж, так и порешим! – сказал Семёнов. – Спасибо вам, хозяева, огромное спасибо. Действительно, мы в походах своих угробим парня. Хороша больничная палата – лес, да поле, ветер, да мороз.

Прощаясь командир с десантником раненым и первым, крепко пожал руку леснику, обнял хозяйку, которая по-матерински перекрестила его, и первым вышел в сени. Дохнуло морозным воздухом. А через минуту в этот свежий, перехватывающий дух воздух морозный, окунулся и Гулякин, а за ним и десантники, которые выделены были для транспортировки раненого. Теперь они поспешили в свои подразделения.

Когда лес принял в свои объятия небольшую группу, ходившую в дом лесника, Гулякин обернулся. Мела пурга, и в её круговерти скрылся дом лесника, в котором хозяева, очевидно, сразу затемнили окна.

– Ну, дай-то Бог, чтоб всё обошлось! – сказал Гулякин ротному, а часа через два пришлось убедиться в том, что решение оставить раненого у лесника было правильным...

Под утро диверсионная группа снова вступила в бой.

Десантники атаковали отходящую вражескую колонну.

Внезапным метким огнём были подожжены несколько машин, затем сапёры взорвали мост, и рота снова скрылась в лесу. Движение по дороге застопорилось надолго. Не так просто устроить переправу в лютый мороз, когда мост не подлежит восстановлению, а лёд вокруг взорван. Пока-то образуется покров, способный выдержать технику. Но и этого мало. Спуски к воде нужно сделать, а это уже невозможно без специальной техники. А где её взять, когда все бегут от наступающих частей и соединений Красной Армии? Оставалось искать обход. Но все дороги были заняты отступающими гитлеровскими войсками.

В коротком бою у моста обошлось без потерь.

Рассвело, но метель не утихала.

Встретив в условленной точке ещё несколько групп своей роты, десантировавшихся на других направлениях, Семёнов увёл десантников глубже в лес, где устроил отдых.

Выслал разведку к объекту, намеченному для ночной атаки. Вернувшись, разведчики доложили, что в большой деревне, как и предполагалось, дислоцируется штаб гитлеровского соединения.

Собрав командиров взводов, Семёнов поставил боевые задачи, предупредил, что вечером отряд выступит к объекту атаки.

В полночь в разных концах деревни завязалась перестрелка, вспыхнул склад с горючим за околицей, слышались разрывы гранат.

Гитлеровцы, застигнутые врасплох, выскакивали из домов зачастую в одном нижнем белье и разбегались, кто куда, стремясь укрыться от пуль десантников.

«Партизанен, партизанен», – кричали они в отчаяния, даже не предполагая, что здесь, как казалось им в глубоком тылу, действуют регулярные подразделения Красной Армии.

Десантники забросали гранатами здание, в котором находился штаб, расстреляли в упор выпрыгивающих в окна офицеров, подожгли стоящие возле входа легковые машины и мотоциклы.

Семёнов торопил. Он знал, что с минуты на минуту могут подойти подкрепления из соседних населённых пунктов. Хотя десантники нарушили проводную связь, но не исключено, что действовала радиосвязь, да и грохот боя разносился далеко.

В небо взвилась красная ракета – сигнал к отходу.

– Товарищ военврач третьего ранга, – подбежал к Гулякину усатый боец и сообщил: – В первом взводе раненый. Он без сознания.

Десантник указал на сарай, что темнел на окраине.

– Почему не вынесли в лес, в безопасное место? – на ходу спросил Гулякин.

– Плох совсем. Трогать побоялись.

А отдельные группы десантников роты между тем отходили в лес. Сарай оказался как бы в ничейной зоне. Спасало лишь то, что гитлеровцы ещё не опомнились, вероятно, не определили силы нападавших, и не решались на преследование.

– Быстро за мной, – приказал Гулякин бойцу. – Прикроешь огнём.

– Есть, – сказал боец, переводя автомат в положение наизготовку и одновременно поправляя ещё один, трофейный, заброшенный за спину.

Возле сарая оказался санинструктор роты Сидоров. Он перевязывал легкораненых.

– Да тут, гляжу, целый медпункт организовали, – сказал Гулякин и распорядился: – Быстро всех в лес.

Десантник с забинтованной головой встал и побрёл по полю к опушке. Сержант с подвязанной рукой возразил:

– Никуда я без друга своего не пойду.

Он кивнул в глубину сарая, где лежал, слабо постанывая, десантник, видимо тяжелораненый.

Гулякин шагнул к нему, пощупал пульс. Покачал головой, увидев белевшую из-под растянутой телогрейки повязку, опоясывающую живот.

– Кто перевязывал?

– Я, – доложил Сидоров. – Ранение в живот. Осколочное, – и прибавил чуть слышно: – Месиво там. – Не жилец.

– Как же он так? – только и спросил Гулякин.

– Гранатой его. Выскочил фриц в окно, да вот и бросил гранату. И бежать. Меня вон в руку, а его... Не ушёл гад. Срезал я его, с левой срезал. Да вот друган...

Разглагольствовать времени не было. На раздумья тоже не оставалось ни минуты. Только и мелькнула мысль: «Удастся ли спасти? Нет, увы... Ведь и в стационаре это почти невозможно...»

Но не оставлять же раненого? Такого никогда у советских десантников не было. Быстро проверил повязку. Она была наложена правильно. Сидоров сделал всё, что было возможно в таких условиях.

Приказал:

– Готовьте носилки!

Этому десантники были обучены ещё в пункте формирования корпуса.

Между тем враг опомнился. Завязался бой. А на большаке уже ревели моторы танков и бронетранспортёров. Заложенные мины задержали их, но ненадолго.

А командир роты требовал через посыльного немедленно отходить в лес. Сидоров вместе с легкораненым сержантом быстро соорудил носилки из двух жердей и шинели. Тяжелораненого положили на них и понесли в сторону леса.

Гулякин и двое красноармейцев с автоматами отходили последними, в готовности немедленно вступить в бой. До опушки добрались благополучно.

Подбежал Тараканов.

– Есть ещё раненные? – спросил Гулякин.

– Там они, в лесу, с Мельниковым.

– Тяжёлых много?

– Только лёгкие. Все перевязаны.

– Хорошо! Показывайте, где они?

Гулякин пошёл вслед за Таракановым. Нужно было самому осмотреть раненых. Скоро догнал двух бойцов, которые ковыляли по тропинке, поддерживая друг друга.

Спросил:

– Что с вами?

– Ноги зацепило, – ответил один за двоих, – засел фриц в подвале и палил вдоль улицы.

Пули низко шли. Вот и по ногам...

– Давайте перевяжу, – предложил Гулякин. – Садитесь на сломанное дерево...

– Спасибо, товарищ военврач, только не треба уже. Сами управились, – сказал один.

А товарищ его прибавил:

– Не зря ж вы нас учили.

– Давайте-ка проверю всё же, – с улыбкой сказала Гулякин.

Осмотрев повязки, заключил:

– Молодцы. Но после боя сразу ко мне. Перевяжу капитальнее. А пока нормально.

«Итак, что мы имеем? – подытожил он. – Четыре легкораненых, и один тяжёлый. Даже безнадежный. А убитые? Нужно спросить у командира о потерях.

Подошёл Семенов и как бы угадав мысли военврача, сообщил:

– Безвозвратных потерь нет.

– Если удастся спасти тяжелораненого, – уточнил Гулякин.

Семенов спросил:

– А если отбить деревушку какую. Операцию сделаете?

Гулякин покачал головой:

– Нет, я бессилен. Ранение в живот. Всё иссечено осколками. Даже в клинике не справиться. А здесь... Здесь и подавно.

Лейтенант Семенов отвернулся, взялся рукой за ствол берёзки, помолчал, потом тихо сказал:

– Славный парень, хороший боец, – он, видно, хотел сказать «был», но вовремя опомнился, ведь тяжелораненый был ещё жив. – Храбрый боец, – прибавил он. – Жаль. Очень жаль.

Отряд скрылся в лесу. Ждали преследования. Семенов назначил тыльную походную заставу, но противник не решился на преследование. Фашисты боялись леса ночью, но днём могли попытаться настичь десантников, а потому необходимо было уйти подальше от места ночного боя.

Лейтенант Семенов повёл роту по заранее намеченному маршруту к следующему объекту, предназначенному для атаки. Раненых несли с собой. Оставить их было негде. Спустя некоторое время Тараканов доложил Гулякину, что десантник, раненый в живот, скончался. Лейтенант Семенов сделал привал, во время которого на небольшой поляне выдолбили в мёрзлой земле могилу, молча схоронили бойца, ну а салют решили дать в первом же бою. Шуметь и демаскировать себя было нельзя, да и патроны нужно было использовать с пользой.

Место захоронения командир роты отметил на своей рабочей карте.

«Achtung! Russische Fallschirmspringer!»

Рейд продолжался. На рассвете слышали впереди гул моторов.

Лейтенант Семёнов раскрыл карту, осветил фонариком.

– Вот и очередной объект близко. За шоссе – железная дорога. В километре отсюда – станция. За ней в пятистах метрах – железнодорожный мост.

– Да, работы много, – заметил Гулякин.

– Это хорошо, когда у нас работы много, – усмехнулся Семёнов. – Плохо, когда у вас её много. Будем стараться, чтобы у вас работы поменьше было. Но... На войне, как на войне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.